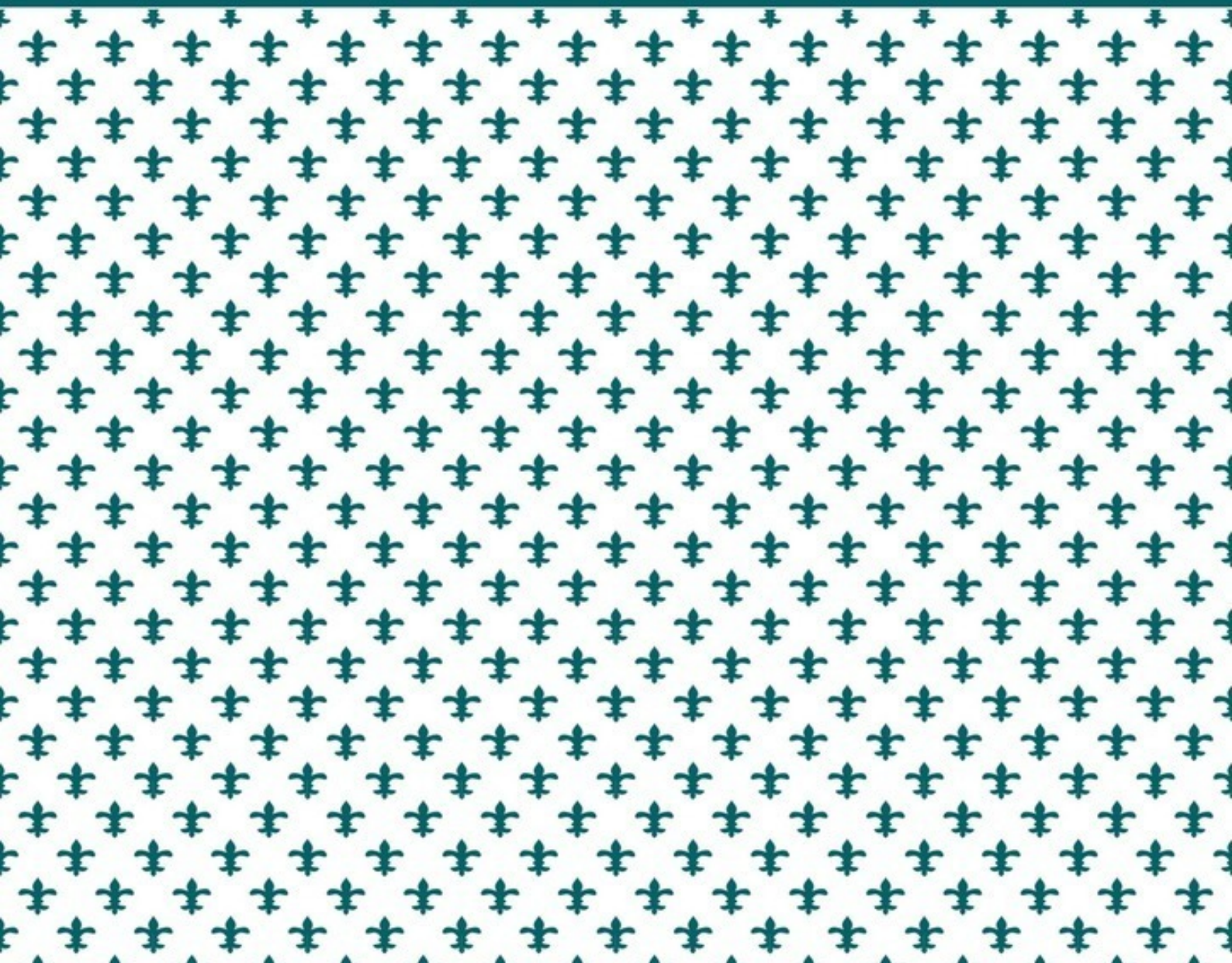

Василий Баранов

*Скиталец.
Хромой Бог*

Василий Баранов
Скиталец. Хромой Бог

«Издательские решения»

Баранов В.

Скиталец. Хромой Бог / В. Баранов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853061-6

Третья книга из серии «Скиталец». Рассказ о Хромом Боге. Вернулся после армии на костыле. Был ранен. Сирота. Военкомат помог ему. Получил комнатку в развалюхе. Работу в военном госпитале завхозом. Но он узнает, что он создатель Вселенной. О Для спасения жизни ребенка он отправляется в другие миры. Там встречает молодого дракона, что может превращаться в мальчишку, воина и вора. С этими новыми друзьями он возвращается на Землю. И привозит чудодейственное лекарство.

ISBN 978-5-44-853061-6

© Баранов В.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	13
Часть 3	18
Часть 4	24
Часть 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Скиталец. Хромой Бог

Василий Баранов

© Василий Баранов, 2017

ISBN 978-5-4485-3061-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Скиталец. Хромой бог.

Баранов В. Д.

Роман фэнтези. Книга 3.

Часть 1

Полуденное жаркое солнце смотрело на землю, бросало пригоршни золота, лаская землю внизу. Оно ослепляло своим величием весь окружающий мир. Синее великое небо, наброшено драгоценной тканью на зеленые кудри деревьев. Небо чистое, словно его недавно постирали. Только редкие облака проплывают в вышине. Городская суетная улица, по которой бежит сейчас троллейбус. Роман сидит на мягком сиденье троллейбуса и сквозь пыльное оконное стекло глядит на улицу. Чуть улыбаясь. Хорошо. Еще утром он с волнением входил в военкомат, как его примут там. Но приняли его радушно. По военному, немного казенно. Но все же жаловаться было не на что. Наоборот. Через несколько часов он держал уже бумаги: направление на работу и документ на квартиру. На его первую квартиру в этой жизни. Собственную квартиру. У него никогда не было собственного дома. Кто он? Сирота, воспитанник детского дома. Теперь у него вдруг появилось собственное жилье. Отчего не радоваться. Это, конечно, командир, он позаботился. Позвонил в военкомат. Хороший мужик у них, комбат. Отличный дядька. Романа демобилизовали из армии по ранению. И некуда было бы ему идти, если бы не комбат. Рома. Ромка, вернулся в свой родной город. За два года тут многое переменялось. Все знакомое и другое. Он мог вспомнить детский дом, в котором рос. Родителей он не помнил, не знал. Были дни, когда хотелось узнать, откуда он, кто родители. Было бы легче знать, кто и почему навсегда выкинул его из своей жизни. Или не знать лучше? Но горечь эту он одолел. О днях в детском доме он пытался вспоминать только хорошее. Тетю Клаву, ее любящие мягкие руки. Ребятушек, с которыми рос. То, что вспоминать не хотелось, он вытравил из своего сознания. Но ощущение одиночества притаилось в глубине души. Всплыла давняя обида на то, как его часто наказывали за малые провинности, за порванную рубашку, за ботинки измазанные цементным раствором. Прочь все плохое. Он начинал новую жизнь. Каких-то несколько часов, и он стал владельцем собственной квартиры. У него теперь была работа, было будущее. Троллейбус легко бежал, запинался об остановки. На каждой из них он гремел входной дверью. Пассажиры входили и выходили, и троллейбус шел дальше. Роман ждал, когда объявят его остановку. А за окном троллейбуса шла своя жизнь, со своими радостями и печалью. И этот мир еще не знал, его будущее едет в простом салоне городского транспорта. Под мышкой с костылем. Роман услышал, следующая остановка госпиталь. Ему пора выходить. Он взял свой чемодан из легкого кожзаменителя. Накинул на плечо лямку рюкзака, зажал под мышкой костыль и стал пробираться к выходу. Вышел на своей остановке. Постоял, огляделся. Теперь это его остановка. Остановка на многие годы. Его пристанище. Все, как ему говорили. Пройти немного вперед, вон там, справа, торговый центр. Вон зебра перехода. Надо перейти на ту сторону, и он уже почти дома. Ромка перешел улицу, еще раз огляделся. Там, за забором, очевидно, больничный городок. Госпиталь, место его будущей работы. Здания старые вперемешку с современными. Дорожки, по которым ходят люди. Все почти рядом. Ему будет легко и просто добираться до работы. Он будет работать там кастаньяном или проще, завхозом. Не плохая работа. Платят, конечно, не много. Но для начала ему хватит. Надо будет поговорить, может, дадут еще какой-нибудь приработок. Куда же ему еще идти, выпускнику детдома, без особой профессии, калеке. Каменный забор домов отгораживает улицу от тихих дворов. Ему надо войти в один из них. И там он найдет свой дом. Ромка вошел во двор. Большое пространство двора. Вон там девятиэтажки. И тут же дома пониже. Роман шел по серому тротуару в сторону неказистых бараков. Один из трех бараков его дом. Он идет по дорожке обсыпанной песком, обрамленной деревянными рейками к одному из этих бараков. Три синих домика. Они, словно случайно, приютились здесь. Роман в своих мыслях, прозвал бараки «три поганки». Эти домики выглядели здесь какими-то чужеродными. Три поганки среди высоких деревьев каменных домов. Роман подошел ближе, стал разглядывать номера. Вот, большая цифра шесть. Это его, его дом.

Роман уверенно зашагал в сторону этого синего барака. Остановился, разглядывая его. Подслеповатые окна с деревянными рамами. Кто же в бараке будет ставить современные пластиковые окна. Вокруг барака низкий штакетник. За ним густая трава и кусты. Шиповник. Скоро эти кусты зацветут, наполняя божественным ароматом воздух. Начало лета, первые дни. Роман подошел ближе к дому. Вот подъезд. Возле входной двери лежит большая толстая доска. Над дверью козырек. Доска, очевидно, здесь лежит давно. Чуть-чуть прогнила. Ее положили здесь, что б в дождливую погоду перебраться через лужу. Роман подошел к двери, взялся за ручку, распахнул дверь. Скрипнула ржавая пружина. И он вошел, вошел в подъезд. Здесь царит легкая прохлада, полумрак. Тусклая грязная лампа под потолком. Три ступеньки. Он поднялся на них, остановился перед дверью. Она окрашена желтой грязной краской. Дверь его дома. Роман достал из кармана ключ с двумя бородками, вставил в замочную скважину. Ключ легко повернулся. Дверь раскрылась пред Романом. Он шагнул в свою квартиру. Прихожая. Включил свет. На полу лежит серая тряпка. Небольшая прихожая. На стене прибита металлическая вешалка с полкой для головных уборов. Несколько крючков, куда можно повесить одежду. Прямо под вешалкой стоит грубая подставка для обуви, склоченная из нетёсаных досок. Роман поставил свой чемодан прямо на пол. Заглянул в одну дверь. Включил свет. Душевая. Ржавый поддон и крючок душа. Роман переступил порог душевой, хотел лучше разглядеть здесь все. Свои владения. На стене душевой крючок, подобие лавки, куда можно будет класть белье, раковина. На краю раковины кто-то забыл помазок для бритья. Зеркало. Осколок зеркала приклеен прямо к стене. Совсем не плохо, очень даже уютно, решил Роман. Только воздух здесь душный, спертый. Надо оставить дверь открытой, пусть немного проветрится. Заглянул за другую дверь. Туалет. Грязный, в ржавых подтеках унитаза. Сливной бачок, накренившийся, словно пьяный мужик, который предупреждает, не тронь меня, я сейчас упаду. Мне тяжело держаться на пьяных ногах. Надо будет привести здесь все в порядок. Что ж, это его дом. Он постарается. Роман вошел в комнату. Большая комната, словно футбольное поле. Целых шестнадцать метров. Кровать, металлическая с никелированными головками. Роман подошел поближе, потрогал матрас, пружины. Не плохо. Не такая уж старая. И постель застелили. О нем позаботились. Белье, конечно, не новое, но чистое. Отлично, подумал Ромка. Шифоньер. Старенький шифоньер, но все равно, будет, куда складывать одежду и белье. Сюда, в этот шифоньер, Роман засунул рюкзак и чемодан. Вот стол. Поцарапанный старый стол. Роман подошел к нему, попробовал рукой на устойчивость. Крепко стоит. Стулья. Четыре стула. Один с высокой спинкой, квадратной, мягкое обитое тканью сиденье, правда, порванное. Из-под ткани лезет вата. Ничего, сидеть-то можно. Остальные три стула. Такие, должно быть, называли венскими. Гнутые спинки, округлые сиденья из фанеры. Фанеру покорило. Наверно, под действием влаги. Фанера скоро будет задираться. Надо будет что-то постелить на эти стулья. В углу тумбочка. Фанерные бока окрашены ядовито синей краской. Отрада глаз, подумалось Роману. Стодится. Окно заклеено старой пожелтевшей газетой. Газета выгорела на солнце. Прикрывает его жильё от непрошенных глаз. Под потолком висит лампа. Роман подошел к выключателю, щелкнул. Горит. Что ж, опять же хорошо. Прошел на кухню. Газовая плита, две конфорки. На одной из них стоит старенький чайник. Поверхность плиты грязная. Ни чего, он почистит. Будет уютно. Большая тяжелая тумба. Роман заглянул в нее. Тарелки, кастрюли, сковорода, ложки, вилки. Не плохо. Три чайных чашки. Одна с отбитой ручкой, но зато на ее боках веселые цветочки. Кухонный стол. Крепкий стол. Под столешницей зияет отверстие, в котором когда-то был выдвижной ящик. Этот ящик давно ушел по своим делам и забыл об этом родном гнезде. Роман вернулся в комнату. Сел на свой мягкий стул, как на трон. Приставил костыль к столу. Еще раз осмотрел свои владения. Старая мебель ждала решения хозяина. Ждала с тревогой. Неужели он решит избавиться от всего этого. И этому столу и стульям, всему этому, придется вернуться назад, туда, где стоит на улице мусорный бак, и дожидаться, когда их вывезут на свалку или, словно еретиков, сожгут на костре. Роман постучал рукой по столу. Отличная

мебель, согдится, прошептал он. В комнате повис облегченный вздох. Мебель, она эта мебель, может остаться в этой просторной уютной комнате. Здесь под подоконником радиатор, который дарит тепло этому жилью в сырые осенние дни и холодные зимние вечера. Значит этому столу, стульям, тумбочке не придется возвращаться на салку. Вот оно, сиротство, как блаженство. Ромка даже в полголоса запел: позабыт, позаброшен с молодых юных лет. А я мальчик на чужбине, счастья-доли мне нет. Покачал головой. На мою-то, на могилку, знать никто не придет, только раннею весной соловей пропоет. Точно. Скоро соловей прилетит, пропоет. И помрет он, Ромка, от голода. Нет, соловей, конечно, не прилетит. Побоится. Вон как журчит у него в животе от голода. Не плохо бы поесть. Надо дойти до магазина и что-нибудь купить. Роман взял свой костыль и вышел во двор. Теперь это его родной двор, родной по – настоящему. Опираясь на костыль, он вышел на широкую улицу к зебре перехода. Роман перешел на другую сторону улицы и заковылял к торговому центру. Подошел поближе, поздоровался:

– Кормилец, привет.

Вошел в прохладу торгового зала. Долго ходил, рассматривая то, что выставлено здесь на продажу. Звенел корзиной для продуктов, стучал по полу своим костылем. Взял пакет кофе, пачку сахара, пакет шоколадных конфет, несколько упаковок «доширака», несколько банок с готовым картофельным пюре. Взял баночку маринованных опят, тушенку. Совсем не плохо. Отличный будет обед и ужин. Прихватил батон. Может, что-то еще взять, подумал он, но остановил себя. Рома, глаза у тебя завидующие, руки загребущие. Не забывай, что твои карманы вовсе не раздулись от денег. Надо дотянуть до первой зарплаты. Пошел на кассу, расплатился. Стоял и складывал свои покупки в полиэтиленовый пакет. Услышал сзади голоса кассирш.

– Смотри, красивый парень.

– Да что в его красоте. Калека, хромой.

– Вот, как возьмешь, вроде красивый парень, а все не то. Какой-то изъян в них, в этих мужиках.

– А ты смотри на них, как на яблоко. Вот оно большое, красивое, румяное, а внутри червоточина. Никуда от этого не деться.

Роман не стал оборачиваться. К чему? Вышел из торгового центра и зашагал в сторону своих «трех поганок». Он только сказал своему костылю:

– Ну, пойдем, моя червоточина.

Дома он разложил в кухне на тумбочке свои покупки, поставил на плиту чайник. Вернулся в комнату. Присел. Ждал, когда закипит вода в чайнике. Можно заварить пюре, открыть банку тушенки, добавить маринованных опят. Чудесный будет у него обед. Чайник закипел. Роман поспешил на кухню, выключил конфорку.

Здания военного госпиталя равнодушно взирают на аллеи между корпусами, на редких прохожих. Сколько разных людей они повидали за эти годы. Работники, больные, посетители. Есть уголки, где редко кто появляется. Небольшой квадратный пяточок асфальта. Сюда заезжают изредка машины, что бы разгрузить инвентарь, белье. Тихо. Резкий порыв ветра. Клочок густого белого тумана. Он рассеивается. На асфальте стоят мужчина и женщина. Высокий темноволосый мужчина лет тридцати. Лицо красивое. Темный загар и резко очерченные скулы придают ему особую мужественность, своеобразную элегантность. Его спутница так же молода. Изящная красивая женщина. Каштановые волосы и изумительные изумрудные глаза. Похоже, эти двое одеваются у лучших портных. Черный костюм из дорогой ткани, кремовая рубашка с золотыми запонками, в которых сверкают крупные бриллианты. Женщина в темно синем деловом костюме. Строгая голубая блузка. В лацкане ее жакета брошь с драгоценными камнями. Женщина берет мужчину под руку. Они идут по аллее.

– Дейлос, я боюсь этой встречи, – приятный мелодичный голос женщины звучит взволнованно. – Он может не понять нас, возненавидеть. Ему было так тяжело эти годы. Мы бросили его.

– Кандида, мы виноваты перед ним. Но не настолько. Он поймет нас. Мы оставили его здесь на время тяжелой войны. Мы не раз с тобой обсуждали это. Если б он попал в руки наших врагов, то утратил бы свободу. Они использовали бы его в своих целях. Он воплощение первого Древнего, нет никого равного ему по силе. Несколько дней и Древний начнет просыпаться в нем. Не сразу, но его разум сольется с Воплощенным. Если мы не совершим ритуал Обретения, он будет во тьме искать самого себя. Разум первого Древнего поработит его, он потеряет свою индивидуальность. Мы не можем обречь его на такие страдания. Возможно, он не сможет простить нас, как своего отца и мать, но наш долг сохранить его. Пусть он проклянет нас, но мы родили его и должны помочь в эти минуты.

– Да, Дейлос. Я готова, чем бы для нас с тобой это не закончилось. Я мать.

Они вышли с территории госпиталя, прошли по улице. Свернули во двор. Три синих двухэтажных барака. Их вел сюда маяк в виде родимого пятна под лопаткой сына. О нем, о его значении знают только отец и мать. В голове Дейлоса датчик размером с маковое зерно. Смертельно опасный датчик. Он приведет его к сыну. В зерне бесконечное количество случайностей, определивших место, где спрятан мальчик. Любая попытка добраться до этих данных ведет к самоуничтожению. И запуск датчика происходит по алгоритму, упрятанному в нем. Поэтому они не могли раньше найти сына. Дейлос и Кандида остановились. Собирались с духом. Дейлос посмотрел на жену. Кандида кивнула в ответ. Они решительно направились к бараку.

Зазвенел дверной звонок. Он звенел так, словно давно болел ангиной. Хриплый, простуженный голос звонка. И кто же явился к нему, подумал Роман и пошел открыть дверь. Распахнул ее. На пороге стоят мужчина и женщина лет тридцати. Женщина стройная, не высокая. Красивое лицо. Роман сразу же уловил запах дорогих духов. На женщине деловой костюм. Куплен не в дешевом магазине. Явно, произведение известного кутюрье. Дорогой костюмчик, подумал Роман. Спутник женщины мужчина стройный, темноволосый. Пронзительный взгляд. Костюм один из тех, в которых высокопоставленные дипломаты появляются на официальных приемах.

– Да? – Спросил Роман. Ошиблись дверью, бывает.

– Роман? Мы к тебе. – Ответил мужчина. – Позволишь войти?

– Да. Да, конечно. – Роман впустил своих гостей в прихожую. Пытался сообразить, что может быть нужно этим людям. Не похоже, что они собираются предложить ему кофемолку или чайник «по выгодной цене».

– Вы по делу? – спросил он. Какие дела могут быть у него и этих людей. Ошибка выяснится, и он закроет дверь.

– Да, по делу. У нас сложное дело. – Мужчина виновато улыбнулся.

– А откуда вы знаете, что меня зовут Роман? – Вряд ли о его прибытии трубят здешние газеты. Он не звезда эстрады. И вернулся в город недавно.

– Мы знаем тебя. Знаем давно, с рождения. Позволишь пройти. – Спокойный мягкий голос. Он просит, а не настаивает.

– Да, конечно. Простите. – Роман отступил в сторону, давая гостям пройти в комнату.

Роман вошел вслед за гостями, сел на свой стул. Гостям предложил сесть на венские стулья. Эти двое присели, и мужчина начал:

– Меня зовут Дейлос, а это моя жена, Кандида. Роман, я скажу тебе сразу. Не будем ходить вокруг, да около. Тебе покажется это странным, возможно, ты решишь, что это бред. Мы – твои родители.

– Что?! – Удивился Роман. Вот это, да! Эти молодые люди – его родители? Это когда ж успели?

– Мы – твои родители. Я твой отец, а это твоя мать. Не стоит придавать значения нашему молодому облику. Внешность и возраст у нас не отвечает твоим представлениям.

– Вот так? Вы мои родители? – Роман заикался. – Вы ничего не перепутали?

– Да, Роман. Ты должен это принять. Боюсь, ваша медицина не сможет помочь нам доказать это. У нее появится больше вопросов, чем ответов.

– Но я вас совсем не знаю. Как я смогу принять такое. Это больше похоже на бред.

– Что делать. Так получилось, Роман, что мы вынуждены были тебя оставить. Со временем ты все поймешь. – Дейлос взял руку своей жены, ободряюще сжал ее.

Кандида благодарно улыбнулась мужу.

– Может, вы ошиблись. Может, я вовсе не ваш сын. Может, вы просто ошиблись адресом. – Это было самым естественным объяснением. Простое недоразумение.

– Нет, Роман. Никакой ошибки здесь нет, и не может быть.

– Может быть, – Роман пытался возразить этим двоим, – все же сделать анализ ДНК?

– Роман, ты хочешь испугать врачей своим ДНК? – Кандида улыбнулась.

– А... а что не в порядке с моим ДНК? – Вот, теперь у него и с ДНК проблемы. Сколько раз он сдавал анализ крови. Все было в порядке.

– Твой ДНК совсем не такой, как у других людей. Сейчас идет перестройка твоего организма, твоего тела. Какое-то время твой ДНК не вызывал подозрений, он был замаскирован под обычный код. Мы как раз подросли вовремя. Ты чужой в этом мире. Ты инопланетянин.

– Во, здорово. – Роман улыбнулся. – Значит, мы с вами пришельцы? А начиналось то все как здорово. Прямо, как в индийском фильме или мексиканском сериале. Сирота неожиданно находит своих родителей. А вы давно не обращались к доктору? С головой?

Женщина с мужчиной переглянулись. Заулыбались.

– Нам не надо этого, Роман. Ты нам не веришь, но скоро все поймешь. Прямо сейчас. Ты принадлежишь к очень древнему роду. Самому древнему во Вселенной. Ты член императорского дома. Мы из Звездной Империи. Все, что нас окружает, это – великое Все-Ничто, в котором плывут Вселенные. В одной из таких вселенных существует Звездная Империя, владеющая сотнями галактик. Во главе Империи – император. Ты принадлежишь к его роду. Твой официальный титул Великий лорд Роман, хранитель Империи, Трона и Династии.

– ИТД? – Вот как, он Великий лорд и хранитель чего-то там. Солнцепек, однако. Холодный компресс на голову.

– Что? – Не понял Дейлос.

– Империи, Трона, Династии. ИТД. И так далее. Значит, я сиятельный? – Улыбается Ромка.

– Сиятельный, сиятельный. – Одобрительно говорит мужчина. – Даже очень сиятельный. У тебя много родных. Кроме нас, отца и твоей мамы, у тебя есть дедушка и бабушка. Твой двоюродный брат, Александр, наследник престола. Другой брат, герцог Ардо, возглавляет службу безопасности Империи.

– Охренеть! Оказывается, у меня большая семья. – Маразм крепчает.

– Еще какая. Знатная и богатая семья. Но ты особый в нашем роду. Мы живем миллиарды лет. Мы бессмертные. И ты один из бессмертных. Но в тебе, как одном из нашего рода просыпается зерно Древнейшего, самого Древнего. Того, что родился при движении великого Все-Ничто. В те времена и самих Вселенных не было. Не было времени в том виде, как понимают его смертные. Поэтому им не понять устройство Всего. Там не было времени, им тот мир не доступен. В этом непостижимость. Зерно великого Древнего просыпается в одном из нас через каждый миллиард лет по их исчислению времени, что бы обновиться. Такая честь выпала тебе. Ты не просто относишься к древнему роду. Ты – Древний Бог.

– Я – Бог? Круто! Интересно все это, мамочка, папочка. Вы издеваетесь надо мной? – Жулики. Непременно жулики. Наговорят с три короба. Только красть у меня нечего.

– Нет, Роман. Сейчас ты все поймешь. – Мужчина опустил руку в карман, вынул перстень. – Это твое, Роман. Только ты имеешь право одеть его. Другой, если оденет его на свою руку, тотчас будет уничтожен.

– Замечательная цапка. Но будет лучше, если вы ее вернете обратно, в карман. – Нашли лоха. Примерь, а потом оплаты с улыбкой. Заплатите пятьсот рублей и получите даром. Лохотрон.

– Роман, этот перстень твой по праву. Ты должен его надеть. Таково твое предназначение. – Дейлос протянул перстень Роману.

– Мне как-то не хочется. – Вот привязались. Мне эти сувениры ни к чему.

– Надевай. – Настаивал мужчина.

Роман взял перстень, оглядел его. Потом одел на средний палец правой руки.

– Ничего не произошло. – Роман рассматривал перстень на своей руке. – Но платить за него я не стану. У меня просто нет денег.

– Подожди, Роман. – Сказал мужчина. – Сейчас начнется действие перстня. Все клетки твоего тела должны слиться с великим Все-Ничто. Ты станешь единым с этим Все-Ничто. При этом будешь оставаться маленькой точкой этого мира.

Роман почувствовал легкое головокружение, а затем безумную резкую боль во всем теле, словно его тело разрывали на мелкие куски, разбрасывали по всему миру и одновременно складывали назад. Сколько прошло времени, он не мог бы сказать. Все было скрыто пеленой боли. Но вот боль утихла. Он снова вернулся в свою комнату. Напротив него сидят его отец и мать. Он начинает понимать, словно память возвращается медленно. Осторожно, потихоньку. Он почувствовал на голове что-то мешает ему. Не рога ли выросли? Он поднял руку, пощупал. Металлический обруч. Резной. Что-то наподобие диадемы.

– Это твой венец. Венец самого главного из Древних. Он появляется, когда ты захочешь и исчезает, когда прикажешь. – Пояснил Дейлос. – Произошел контакт с Изначальным. Благодаря кольцу слияние происходит медленно, первый Древний не может вытеснить тебя из твоего тела, он только передаст тебе свой опыт, сольется с тобой. Если Воплощения не происходит, человека захлестывает сила Древнего, он теряет себя, свое Я, свой разум. А венец ты можешь спрятать простым усилием воли.

– Ну, уходи, – сказал про себя Рома. Венец исчез. Пропал и перстень с руки.

Что это, галлюцинация?

– Твой венец, – сказала мать, – и перстень появляются по твоему желанию. И так же исчезают. Со временем ты вспомнишь все, что должен знать Древний. Ты бог смерти.

– Я бог смерти? – Роман произнес эти слова и страшные картины стали всплывать перед его мысленным взором. Серые каменистые долины, безрадостное темное небо. Безмолвие безысходности. Он потрянул головой. Сбросил эти видения.

– Да, смерти. Все остальные боги ушли в меж пространство, что бы не навредить. Это произошло после Большой Битвы. Мы с твоей матерью Древние, но не имеем божественной сути. Мы простые воины.

– А я почему остался? Сижу здесь? – Вот еще одна загадка.

– Ты не можешь уйти. Ты нужен здесь. Ты бог смерти.

– Так я что, теперь должен бегать по улице, резать народ, как маньяк? Душить их? – Право, ему этого не хочется.

– Вовсе нет. – Мать смеется. – Тебе не надо бегать по улицам. Для этого у тебя есть многочисленные слуги. Кроме того, ты еще бог жизни. Ты и жизнь, и смерть в одном лице. Рома, нет Смерти без Жизни, как и Жизни нет без Смерти. Они идут рука об руку, и это ты.

– Я Жизнь и Смерть?

– Да, Роман. Ты скоро это поймешь.

Роман вспомнил про горячий чайник на плите.

– А может, вы кофе выпьете. У меня еще картофельное пюре есть. С тушенкой и маринованными грибами. И лапша. А то как-то не по-человечески. Даже не угостил вас ничем. Не каждый день родителей находишь.

– Кофе мы, конечно, выпьем с удовольствием. – Сказала мать.

Ромка встал, прихватил костыль. Женщина вскочила, подошла к нему, что бы поддержать.

– Мама, я дойду. – Ему оказалось легко назвать эту женщину мамой. Словно он помнил ее.

– Да, Рома. Прости, я не хотела тебя обидеть. Ты дойдешь. Можно, я помогу тебе там, на кухне.

– Да, мама. Пойдем.

Они зашли на кухню, взяли чашки. Роман взял себе чашку без ручки, но с красивыми цветами. Они налили кофе. Конфеты, сахар. Они сидели за столом по семейному и пили этот горячий ароматный напиток.

– Роман, – сказал отец, – у тебя есть дом.

– Ну, да. Вот он. Отличный дом. – Роман показал на эту комнату в бараке.

– Нет, Роман. – Смеется отец. – У тебя есть настоящий дом. Даже не один. У тебя дворец в столице Империи. У тебя есть мы. Наш дом – твой дом. Мы готовы принять тебя.

– Я как-то не готов, так сразу, поменять место жительства.

– Если не готов, ты можешь задержаться здесь. Закончить свои дела. Не забывай, что у тебя в распоряжении вечность. Можешь не спешить, но мы ждем тебя. И твой дом ждет тебя. Не забывай, у тебя долг перед семьей, пред Императором.

– Я буду об этом помнить. Позже приеду. – Роман ощутил уверенность в своей душе. У него есть семья, крепкий тыл.

– Хорошо, сын. Мы пойдем. – Дейлос встал, увлекая за собой жену.

– Пап, а как я найду эту звездную Империю? – Роману было любопытно, где эта неизвестная страна. Неужели его родина затерялась между звезд.

– Ты скоро все поймешь. Ты в каждой частице мироздания, а она в тебе. Стоит захотеть, и ты переместишься из одной точки в другую. Очень скоро твой человеческий мозг приспособится к новой действительности. Мы будем тебя ждать.

Родители растаяли в блеклом свете комнаты. Роман сидел на своем стуле-троне. Задумался. Кто он на самом деле? Память Древнего возвращалась к нему. Это было не легкое бремя. Очень не легкое.

Рома, сказал он себе, а не пора ли тебе лечь спать. Как говорится, утро вечера мудренее. И тебе завтра на работу. И боги обжигают горшки. Может ты и древнее божество, Ромка, но отдохнуть не помешает. Он спал. На кухонной тумбочке стояла пища богов. Тушенка, банки с пюре. В стеклянной банке гранулированная амброзия.

Кандида и Дейлос вернулись в свой дворец. Дворцовые комнаты так отличались от скромного жилища их сына.

– Я рада, что самое трудное позади. Дейлос, я боялась, он не захочет нас простить. Мне так его не хватало. Он наш единственный сын. Если б не эта злосчастная метка избранного, он был бы с нами. Его могущество, как проклятие. Темная сторона сознания еще найдет его.

– Кандида, он уже взрослый. Надеюсь, справится с этой ношей. Я, как и ты, хотел бы не разлучаться с ним. Готов поменять этот дворец на жалкую лачугу, но быть одной семьей. Наш мальчик когда-нибудь переступит порог нашего дома. Блудные сыновья возвращаются и не всегда жалкими и потерянными. Наш сын вернется героем.

Часть 2

Роман проснулся по привычке рано. Эта привычка выработана годами. Вначале детский дом, где добрые воспитатели не дадут ребенку нежиться утром в постели, после армия. Светало. За окном проехала машина. Каркали вороны. Пожелтевшая газета, закрывавшая окно, создавала в комнате ощущение плесени, печаль склепа. Пора покидать подушку. Подхватить своего верного друга, костыль, и вперед. Громкое ругательство сливающейся в унитаз воды, плюющийся кран в ванной. Жалкая грязная струйка воды в душе. Обычное утро небожителя. Роман побрился, умыл рожу лица, осмотрел свое отражение в осколке зеркала. Остался доволен. Пошел на кухню ставить чайник. Газовая плита встретила его вполне радушно. Горелка приняла чайник в пламя своих обжигающих страстных рук. Чайник вначале не реагировал на эти страстные объятия. Когда Роман вернулся на кухню, уже совершенно одетый, чайник пыхтел, в нем все бурлило. Не сдержат кипятки его сердечных струй. Роман выключил горелку. Пламя неохотно выпустило своего любовника из объятий. Чайник, горячий любовник, наполнил кипятком кружку Романа. Рома пил кофе из чашки со сломанной ручкой. Она ему сразу понравилась, и не только цветочками на боках, но и тем, что она, эта кружка без ручки, тоже калека, как и он. Об одном жалел Роман, вот дурья башка, ничего не взял к завтраку. Этот вопрос сегодня надо решить. Помыв чашку, он засобирился на работу. Первый рабочий день. Надо прийти пораньше. Он вышел на улицу. Двор был почти пуст. Навстречу попал мужчина, выгуливающий собаку на поводке. А та важно шла впереди. Первый попался мужчина. Хорошая примета. День будет удачным. Рома, первой попалась собака. А вот мужчина она или женщина, ты не спросил. Брось приметы. Окна многоэтажек презрительно смотрели на обитателя бараков. Роман вышел из двора и двинулся по направлению к госпиталю. На газонах трава, деревья в роскоши молодых листьев. Идут по тротуару люди. И все это – жизнь. Травинки могут пробиться через толщу асфальта. На карнизе, что над подъездом дома, выросло маленькое деревце. Какая все же упрямая жизнь. Солнце, оно способно растопить льды. Даровать жизнь всему окружающему. И оно же в своем неистовстве может выжечь все кругом, оставляя мертвые барханы. Живая капля воды, падающая на мертвый камень, падающая раз за разом на мертвый камень. При этом она разбивается, гибнет, гибнет сама, но разрушает камень. Не это ли библейское, смертью смерть поправ. Видимо так везде и всегда. Жизнь и смерть идут рука об руку. И все это в нем, в Романи.

Он вошел на территорию больничного городка. Куда идти? Несколько корпусов. В каком из них искать главного врача. Остановил девушку, по всему видно, работает здесь.

– Девушка, не скажете, где найти главврача? В каком корпусе приемная? – Говорил по возможности мягче, вдруг решит, идет жаловаться.

– Главврача? Сейчас по дорожке, потом налево. За тем зданием новый корпус. Там администрация. Спросите.

– Спасибо. – Роман зашагал по дорожке.

Новые и старые корпуса. Здесь тоже борются за жизнь пациенты, врачи, персонал госпиталя. Дарят жизнь. Только одно неказистое здание, приютившееся на территории госпиталя вызывает невольный трепет. Оно характеризует другую сторону. Вечный покой и скорбь. Морг. И тут, жизнь и смерть рядом. Рома вошел в новый корпус. Где здесь приемная? На вахте сидит пожилая женщина.

– А как мне найти главврача? Я устраиваться на работу. – Роман улыбнулся. Хотел с первых шагов на новой работе произвести хорошее впечатление о себе. Его открытая улыбка всегда вызывала симпатию у людей.

Женщина взглянула на него из-под очков. Устало вздохнула, но ответила доброй улыбкой.

– Здесь он, здесь, мил человек. Ты бахилы одень и на второй этаж ступай. Там приемную найдешь.

Роман присел рядом с пожилым мужчиной и начал надевать на обувь бахилы.

– А на третью свою ногу, на костыль, тоже бахилу одеть не забудь? – вот шутник этот старик.

– У нас парами бахилы. Было б два костыля, я бы и дала. – Откликнулась вахтерша. Строго посмотрела на деда.

– На костыль не оденешь. Размер не тот. – Заметил дед. Хитро подмигнул. – Вон аптечный киоск. Спроси напальчник. А то и другое что пойдет. Что для лихих гусар. Кожа к коже, называется. Ты без примерки не бери. Там в киоске деваха молодая, красивая. Вот ты и попроси, примерь на меня. Вдруг не по размеру. Клиент нынче всегда прав. Просит примерить, так ты и примерь мужику. – Дед посмеивается. Ему эти игривые шутки в радость. Молодость лихую можно вспомнить.

– Охальник! Ты чему учишь. Срам один. – Воскликнула вахтерша. – Что говоришь, старый, а туда же.

– Какой я старый. Свисну, так за мной молодухи побегут. – Дед кряхтит, лихо вытирает рукой усы. Подмигивает.

– Так и побегут! Из тебя песок сыплется. – Ворчит вахтерша. Но и сама не прочь перемолвиться словечком «об этом».

– Ты чего, бабка. Я еще молодой. Посвататься могу к тебе, красавица. Старый конь борозды не испортит. Ты такой радости от роду не испытывала. – Дед хвастается удалью. Что за дело, все в прошлом. Но жива еще память, еще не остыло сердце. Он все тот же пацан, что ждет сладости горячего поцелуя.

– Ой, жених! – Женщина расцвела. – У меня не такие под окнами серенады пели.

Роман оставил эту парочку ворковать дальше. Поднялся по лестнице на второй этаж. Приемную он нашел быстро. Вошел. Секретарь. Женщина средних лет. Капризный изгиб тонких губ. Жесткий взгляд.

– Здравствуйте. Доброе утро. А к главному врачу можно? – Роман стоял, опираясь всей тяжестью тела на костыль.

– А вы кто? По какому вопросу? – Вовсе не приветливо и не грубо. Выясним, выпишем маршрут. Кому в кабинет по принадлежности, а кому и дальний маршрутный лист.

– Скворцов Роман Алексеевич. Меня из военкомата направили. – Роман полез в карман за документами.

– Подождите минутку. – Уже более приветливо. – Аркадий Петрович, к вам Скворцов, по направлению военного комиссара.

Сообщила это секретарь своему начальнику по интеркому. Голос почти ласковый. Особенно: Аркадий Петрович.

– Пусть войдет. – Раздался ответ.

Девушка кивком указала на вход к руководителю. Милостиво. И стражники разомкнули алебарды, и позволили простолюдину войти в покои царские. Предстал ничтожный пред светлые очи владыки.

Он вошел. За столом сидел мужчина лет сорока пяти – пятидесяти. Встретил вошедшего пристальным взглядом.

– Ну, что, молодой человек, проходите. Присаживайтесь. Мне о вас уже сообщили. Держите бумагу. Ручку. Пишите заявление. Будете работать в хирургии. Кастеляном. Выдавать халаты, белье, учитывать материальные ценности. Я подпишу ваше заявление, и вы с документами в отдел кадров. Налево, третья дверь. Все оформите, потом в хирургию. К главному хирургу, Павлу Павловичу. Понятно? – Все это он сказал быстро. Некогда заниматься подоб-

ными вопросами. Так много дел, но для военкома он готов пожертвовать несколькими минутами своего драгоценного времени.

Про себя Рома отметил, как слово меняет должность Обычный завхоз. Мелочь. Кастелян, шателен – звучит гордо. И функции были другие, управляющий замком, сборщик податей, судья для слуг. А ныне просто хранитель простыней и халатов.

– Так точно. Все ясно. – Роман рапортовал по-военному. Не стоит отвлекать высокое начальство. Как утомительны эти гении и боги, что обивают пороги приемных. С наше повоюйте, с наше покочуйте... Ну, с наше посидите на совещаниях, летучках, напишите отчеты о не проделанной работе. Работа не сделана, а тебе за это благодарность. Чиновник – это величайший дар, талант. Такая ноша не каждому по плечу.

– Ну, давайте, приступайте к работе. – Главврач бросил взгляд на заявление, оставил царственную каракулю. Протянул пергамент со своей резолюцией просителю.

Роман пошел в отдел кадров. Оформили его быстро. Желающих на такую зарплату не было. Вот и приняли по разрядке военкомата. Госпиталь пополнил штатное расписание, военкомат мог отчитаться о помощи медицине и солдатам. Все довольны. Грех жаловаться, военком принял его хорошо. Не отмахнулся, как от мухи. Сделал, что мог. Хороший мужик.

Ромка направился к корпусу хирургии. Он проходил мимо этого здания недавно, поэтому нашел легко.

Старое здание с колоннами на входе. С этого дня он будет работать здесь.

Кабинет главного врача отделения не составило труда найти. Здесь его встретила секретарь, женщина в возрасте, как и положено. Но довольно приветливая. Чуть усталый взгляд, легкая печаль спит в ее кудрях.

– По какому вопросу? – Она оторвала взгляд от монитора. Отодвинула от себя клавиатуру. Скорее всего, она знала ответ. Позвонили из приемной главного врача госпиталя.

– Вот мои документы. На работу устраиваюсь. – Роман протянул документы.

– Павел Павлович сейчас на обходе. – Женщина развела руками. Помочь сейчас не может. – Но дело поправимое.

– Подождать? – Спросил Роман. Сделал шаг к одному из стульев, выстроившихся в ряд в приемной.

– Присядьте на минуту. С документами все в порядке. Мы все оформим и без Павла Павловича.

Секретарь набрала номер телефона.

– Маша, зайди ко мне. – Произнесла она в трубку.

Через какое-то время в приемную вошла девушка. Стройная, молодая. Под косынкой копна золотистых волос. Но лицо... Словно побитое оспой. Ясные, выразительные глаза.

– Маша, вот товарищ Скворцов. Он будет работать у нас кастеляном. Проводи его, покажи. Пусть знакомится с новым местом. Павел Павлович потом зайдет после обхода. Документы я оформлю.

– Хорошо. – Девушка пригласила пройти Романа с ней. Когда она приглашала Романа, отворачивалась, словно стесняясь своего лица. Они прошли на третий этаж. Маша открыла ключом дверь кабинета.

– Заходите. Это ваше рабочее место. Стол, шкаф с документами. Журнал учета. В нем зарегистрированы все материальные ценности. Журнал выдачи. Шкафы с бельем, халатами. В соседнем помещении стеллажи. Разберётесь? Там за шкафом раковина. Руки помыть, воды набрать. Электрочайник есть.

– Тефаль! Вообще роскошь. – Роман увидел на стеллаже чайник. Радостно улыбнулся. Для него такие обычные в обиходе вещи были подарком судьбы.

– Да. Если захотите выпить чая. А, да. На первом этаже буфет. Булочки, печенье. Можно купить что-нибудь перекусить. Работает с десяти до семи, без перерыва. В ящиках стола бланки

актов, накладных. Что еще? Сверите по журналу наличие материалов. Справочник, там телефоны служб. Склад, отдел снабжения. Все понятно? – Девушка явно стесняется своего лица. Голос ласковый, словно просит, не смотрите на меня. И старается быстрее уйти от нового человека.

– Спасибо. Маша. Надеюсь, справлюсь. – Роман улыбнулся. До чего славная девчонка.

– Если будут вопросы, обращайтесь. Меня найдете легко. Спросите у дежурной сестры.

– Спасибо, Маша. Меня, кстати, Роман зовут. – Протянул руку.

– Очень приятно. Я побежала. – Она пожала протянутую руку, положила ключ на стол перед Романом и ушла.

Роман занялся учетом вверенных ему материальных ценностей. В обед он спустился в буфет, купил парочку булочек с марципаном и вновь занялся своим делом. Часа в три запахнулась дверь, и на пороге появился мужчина, лет сорока.

– Здравствуйте. Я – главный хирург отделения. Павел Павлович.

– А я Роман. Роман Скворцов. – Роман встал, приветствуя вошедшего. Он полагал, что этого требует элементарная вежливость.

– Вижу. Вижу. Приступили к работе? – Доктор чуть прищурил глаза. Приветливая улыбка и легкие морщинки на лбу располагают к этому человеку.

– Да. Так точно. – Роман правой рукой очертил вверенное ему пространство. Левой рукой опирался на стол. Верный костыль, как страж, стоял у стены.

– Вот и хорошо. Думаю, работа не очень сложная. Вы освоитесь. Как вам новое место работы? – Павел Павлович смотрел на костыль. Хирург, он привык к такому.

– Все нормально. – Роман и в самом деле доволен своим первым местом работы.

– Какие-нибудь просьбы, пожелания? – Вопрос скорее обычный, дежурный, но доктор готов выслушать пациента.

– Вот, ... Павел Павлович, мне не удобно, в первый же день...

– Давайте, давайте. – Главный врач кивнул головой. Он готов слушать.

– Можно мне что-то по совместительству, после работы. Дворником или санитаром.

– Гм. Санитаром? Санитаров у нас не хватает. Можно. Тем более, что пациенты у нас в основном мужчины. Лежачие больные стесняются, когда надо судно подать. Санитарка женщина. Сам понимаешь. – Павла Павловича такое предложение заинтересовало. Нехватка кадров вечная проблема. Зарплата маленькая, люди не надежные.

– Да, понимаю. – Сам лежал в госпитале, знал как это не просто.

– Надеюсь, тебя такая грязная работа не смущает. Полы помыть. Судно подать, покормит больного, если он не может сам.

– Нет. Все нормально. Я привык. Я детдомовский. Мы сами там полы мыли. Все убрали. И в младших группах приходилось. Справлюсь. А больные. Так я сам после армии. Это все свои ребята. Не грех за ними поухаживать.

– Отлично. Завтра со старшей медсестрой согласишь график работы. С отделом кадров я решу этот вопрос.

– Спасибо, Павел Павлович.

Главный хирург ушел.

А Ромка думал. Здорово. В первый же день я нашел себе еще работу. Не сидеть же сиднем. Опять же, зарплата пойдет. Денежки, грошики. Впрочем, а зачем мне грошики? У меня же кредитные карточки есть. Мать с отцом перед уходом оставили. Нет, не стоит разбазаривать денежки. Даже сокровища Древнего рода. Отец сказал, что у меня огромное состояние даже по меркам империи. Но я не тратить должен, а приумножать. Он и сам не понимал, что собирается приумножать. В его распоряжении сокровища тысяч планет. Он не представлял, кем является на самом деле.

Заработаю. Тогда все и куплю. Такие были благие помыслы. Но и они ведут в ад. Роман не удержался. После работы он в своем торговом центре купил телевизор и видеомэгнофон. В отделе мебели заказал кресло, тумбочку под телевизор, холодильник.

– Доставьте мне это завтра после шести вечера. Я на работе. – Как приятно чувствовать себя владыкой мира. Ты покупаешь, платишь деньги. Владыка, обладатель мира.

– Хорошо. – Менеджер счастлив угодить.

Рассчитался Роман рублевой кредитной карточкой. В продуктовом отделе купил пачку пельменей, горчицы, сыр, масло, батон и отправился домой. Он долго прикидывал, как расставить новые вещи. Планировал свою новую жизнь. И в этой жизни не было пока места его внеземной сущности. Спать он отправился около одиннадцати часов. Положил голову на подушку, закутался в одеяло и уснул. Интересно, что снится богам.

Часть 3

Причудливые сны посетили его этой ночью. Таких снов у него раньше не было. Звездные скопления, как в фантастическом фильме, сменялись инопланетными ландшафтами. Чудовища. Лица людей, которых он не узнавал. Кровь на оконном стекле. Груды тел. Убегают, напуганные чем-то люди. Он протягивает руку, и пламя настигает беглецов. Он не мог остановить эти видения. Это были чужие воспоминания, но теперь они принадлежали ему. Он не мог понять, кем был тот, с кем он сливался в едином потоке сознания. Злодей или герой? Равнодушное божество, жаждущее жертвенной крови? Принять, как данность, и жить с этим.

Утром Роман покинул свой «элитный» жилой комплекс бледная поганка. Перешел через двор, вышел на широкую улицу. Час еще ранний. Люди торопятся на работу. Одиночество в людском потоке. Роман остановился, опираясь на верный костыль, посмотрел на небо. Вроде тучки собираются. Возможно, будет дождь. Тут он услышал звук удара, крик. Посмотрел в сторону пешеходного перехода. Там женщина. Она собиралась перейти дорогу на зеленый свет. Возможно, сделала несколько шагов к самому краю тротуара, когда на нее налетел на полной скорости внедорожник, отбросил ее на тротуар и умчался.

– Боже ж мой! Боже ж мой! – Кричала какая-то женщина из прохожих. – Что творится! Ироды! Боже!

Возле лежащего на земле тела начала собираться толпа.

– Звоните в скорую! Звоните! Смотрите же! – Кричали люди.

Роман подошел ближе. Протиснулся через толпу еще редких зевак. На асфальте лежала женщина средних лет. Из раны на голове текла кровь. Пострадавшая была без сознания. Кто-то по сотовому набирал номер скорой помощи, кто-то звонил в полицию.

– Боже ж мой! – Стонала все та же женщина. – Среди бела дня наезжают. Звоните скорее. Вон, помирает. Ой, синее. Боже.

Роман, зажав костыль возле своего тела, опустился на корточки возле пострадавшей. Сказал:

– Надо голову приподнять. – Обхватил ладонями голову жертвы. Приподнял голову женщины. Кровь на его руках. Он не знал, откуда это к нему пришло. Но он понял, что надо делать. В руках пульсировало тепло. Оно переходило в жар. В мощный жар. Волосы женщины были в крови. Она не приходила в себя. Жар из рук Романа перетекал в тело женщины. Бледность лица стала проходить. Он видел, под действием его рук рана на голове затягивается. Кровь перестала течь. Женщина приоткрыла глаза. Она не осознавала, что происходит вокруг. Ее взгляд встретился со взглядом Романа.

– Ничего, – проговорил Роман тихо, так что бы слышала только она, – твой час еще не пробил. Все будет хорошо. Улыбнулся ей.

Раздались сирены скорой и полиции.

– Давай, живи. Я приду, но значительно позже. Живи! – Это были не пустые слова. Тот, кто жил в нем, придавал этим словам особую силу.

Рома понялся во весь рост. Твердо оперся на костыль. Пропихнулся через толпу зевак. Двинулся к госпиталю. Когда скорая и полиция подъехали, женщина пришла в себя. Она сидела на земле, озиравлась. Полиция опрашивала свидетелей. Врачи бросились к пострадавшей.

– Господи, сколько крови. А рана? Откуда кровь? – Врач скорой не мог понять, что произошло с его пациенткой. Такая скорость регенерации.

– Скорее в карету скорой. – Принял решение врач. – У нее может быть сотрясение мозга. Роман оглянулся на эту толпу. Все та же суматошная женщина кричала:

– Боже ж мой! Глянь-ка, ожила!

Гадайте, как это произошло.

Роман пришел в свой кабинет. Смыл кровь с рук. Устроился за столом. Развернул перед собой журнал учета. Посидел, тупо глядя на раскрытую страницу. Встал и вышел, что бы найти старшую медсестру.

Темно-синяя краска стен, белые потолки коридора. Под ногами вышарканная плитка ПВХ. Запах дезинфицирующих средств.

– Да, это все не радует. Не зовет к жизни. И помирять тут не уютно. – Подумал он.

Старшую медсестру он скоро нашел. Та оказалась на месте.

– Ну, что? – Спросила старшая медсестра. – Павел Павлович мне сказал, что вы хотите подработать санитаром. Согласуем график выхода.

Старшая медсестра выглядела уставшей. Начало рабочего дня, но казалось, он дежурит здесь беспрерывно сутки.

– Хорошо, согласуем. – Роман был рад, что сможет подработать.

– Можете сегодня выйти на дежурство. Вечерняя смена или ночная. Что вам подойдет?

– Мне бы лучше ночная. После работы я бы сбегал домой, а потом вернулся. У меня нынче мебель должны привезти. Я только обживаюсь на новом месте. Телевизор привезут и холодильник. Можно? Роман сейчас пожалел, что поторопился заказать все это. Мог бы подождать. Решил бы спокойно все вопросы на работе. Чуть позже можно было заняться бытом. Родители оставили ему банковские карты. Детдомовский паренек и такой соблазн. Больше он не нуждался в деньгах и мог позволить себе многое. Он заглянул в банкомате на остаток своих счетов. Даже испугался, таких денег у него никогда раньше не было. Он даже прикинул, что может купить и квартиру и машину. Только к чему это. Его вполне устраивала квартирка в «трех поганках».

– Конечно. Давай, Роман. Вечером будь на посту дежурной сестры. Она вам подскажет, что надо делать.

После работы он успел принять свои покупки. Установил телевизор. Плоская небольших размеров доска экрана хорошо вписалась в его комнату. Мерцание экрана и голоса из динамика скрасят одинокий быт.

В одиннадцать вечера Роман был возле дежурной медсестры. Та скучала над какой-то книгой.

– Роман, – представился он дежурной, – я сегодня дежурю. Новый медбрат. Или санитар, не знаю, как правильно назвать свою должность.

Медсестра отложила книгу. Приветливо улыбнулась.

– Я Клава. Клавдия. Ты, Роман, садись. Ночное дежурство обычно спокойное. Все спят, отдыхают. Редко, что случается. Чай или кофе будешь? – Клава была рада напарнику, все не так скучно и одиноко в полумраке больничного коридора.

– Я не против. – Роман сел на предложенный стул.

– Сейчас подогрею. Что у нас с больными. Что б ты в курсе был. В третьей палате ребята после операции. На поправку идут. В пятой – готовят к операции. Шестая – ветераны. Самая тяжелая у нас тринадцатая. И номер несчастливый. Там лежат двое парней. Полная безнадега.

– А что с ними? – Спросил он просто так. Поддержать разговор. Но какое-то беспокойство возникло в душе.

– У одного паралич нижних конечностей. Все рано скоро выпишут. Тут уж не поможешь. Врач говорит, так и будет прикован к постели до конца дней. Бедняга. Второй. Гангрена обеих ног. Павел Павлович пока отложил операцию. Ждут, мать должна днями приехать. Парню полегче будет, когда рядом родной человек. Держат на интенсивной терапии. После ампутация. Немного полежит, домой выпишут.

– Тяжелый случай. – Роман вздохнул. Сам недавно из армии, рядом были такие же молодые ребята. А тут парням не повезло.

– У нас здесь насмотришься всякого. Поначалу жалко, сочувствуешь, душа болит. А потом привыкаешь, сердцем черствеешь. На всех не хватает души. Ты после, часа через два сходи, посмотри. В тринадцатую загляни. Может кому что надо. Особенно неходячим.

– Сделаю, командир. – Роман приложил руку к голове, отдал честь, хотя по уставу и не положено к «пустой голове» отдавать честь. Лукаво подмигнул сестре.

– Ладно тебе, Роман. То же командира нашел. – Парень ей понравился. Красивый. Только на костыле, жаль. Но человек, сразу видно, простой, с таким несложно найти общий язык.

Клава достала из стола книжонку. Протянула Роману.

– Можешь почитать от скуки. Мужикам такое не нравится, но у меня другого нет. Я все больше про любовь читаю. И что б хорошо все заканчивалось. Боли и слез здесь нагледелась. Ты, Рома, не думай, я не самая глупая баба. Такую книгу прочтешь, и веришь, что в жизни чудеса случаются. В жизнь хочется верить.

Роман взял книгу. Тонкий переплет. Карманный формат. Удобно на работу таскать.

Мери Стюарт, – прочитал на корочке, – Девять карет ожидают тебя.

– А сама, Клава, что читаешь? В какую из карет сядешь? – Он понимал, просто в жизни так мало романтики, добра. И хочется спрятаться в мир карет и дворцов, в выдуманный мир, но такой желанный.

– Хозяйка замка Мелани. Жуть. Но интересная. Тайны, любовь. – Клава, мечтая о приключениях вымышленного мира, прикрыла глаза. Ах, где та карета, что унесет в даль безоблачную.

– Ты у нас любительница дамского чтива. – Роман не был против, пусть люди читают и такие книги. В нем говорило устойчивое убеждение серьезных литераторов, такие книги для домохозяек и пенсионеров.

– Ты зря, Роман, так о дамском романе говоришь. Многие классики писали. Только их книги не называют дамскими. Анна Каренина – обычный дамский роман. С плохим концом. Эмиль Золя. Роман из цикла Ругон – Макары. Дамское счастье. Я не люблю книги с печальным финалом.

– Тут я с тобой согласен. Я, как и ты, не люблю, когда у книги плохое окончание. И в жизни не люблю. А эту почитаю. Люблю хорошие, добрые сказки. Может, сказку о Золушке перечитаю.

– Не сказки это, а настоящая жизнь. Не то, как мы живем. Мы живем в сказке: чем дальше, тем страшнее. Дремучий лес, куда ни глянь – баба яга и кошей бессмертный. – Клава горячо защищала право людей жить в добром мире, пусть выдуманном, но добром. Там у людей есть право на счастье.

– Кошей Бессмертный? Так не гляди на меня. – Роман рассмеялся. Костыль не самое приятное украшение. Символ беспомощности, запаха пота и натертых до крови подмышек.

– Ну, не ты, Рома. Ты совсем другое дело. Что мы в жизни видим. Работа, дом, магазин. Скучно.

– Зато спокойно. Все идет так, как должно. Рождение детей, старость, смерть, все приходит по раз и навсегда заведенному порядку.

– Что мы видим, – продолжала Клава, – сплошная серость. Я понимаю, в жизни есть место подвигу, порой незаметному. Любовь, которую мы находим, теряем. Не знаю, как об этом сказать. Хочется чего-то яркого. И что б непременно с тобой это случилось. Мы живем в ожидании чуда.

– Конечно, – Роман улыбался. – Тебе бы хотелось так жить, как в этих книгах? Мне тоже. Хочу верить, девять карет ожидают нас. И солнце всходило и радуга цвела...

– А то! Хотелось бы. Ладно, не отвлекай. – Клава уткнулась в счастливую жизнь бумажных страниц. Разбередил душу этот санитар.

Около часу ночи Роман отложил книгу и пошел на обход палат. В коридоре тишина. Он останавливался у дверей. Прислушивался. В некоторые палаты заглядывал. Может, кому помощь нужна. Возле тринадцатой задержался подольше. Приоткрыл дверь. Услышал голос больного, заметившего полоску света, пробившуюся из коридора.

– Сестричка. Сестричка. – Тихий голос, в нем и надежда и боль.

Роман вошел.

– Не сестричка я. Брат. Медбрат. – Роман прикрыл за собой входную дверь. Прошел в палату, освещенную одиноким фонарем на дорожке за окном.

– Слава тебе, господи. Медбрат. Мне бы эту, утку. – Звучало, как мольба, надежда беспомощного на простое сочувствие.

– Сейчас сделаю. – Роман включил настольную лампу. Помог больному с судном. – Ну, вот, парень. Сейчас все сделаем.

– Наконец хоть мужик. А то знаешь, стыдно. Когда беспомощный калека. Одни бабы тут.

– Ничего. Сейчас я тут. – Как хорошо Роман понимал этого парня. Судьба бывает жестока. Смерть, которую он представлял собой, может примирить человека с жизнью. Как не справедливо. Жестоко. Аллилуя, аллилуя. И жизнь вечная. Смертью смерть поправ.

– Вот я и говорю, хоть кто-то. Хоть один человек. Не бабы. – Вот так, простой мужской шовинизм. И женщины этим грешат. Но рожают мужиков. Два народа и две религии на Земле: мужчины и женщины. Простая истина.

– А бабы – не люди? – Ромка усмехнулся. Так забавно желание тех и других утвердить свое первенство. Есть Древние и их птицы, драконы.

– Курица не птица, баба не человек. – Вот уж точно, птицы, летящие от звезды к звезде – драконы. Женщина может стать драконом для мужчины. Носить под сердцем плод и радоваться первому крику ребенка. Наседка, орлица, тигрица – все это о ней. Хранительница жизни, трепетными крыльями оберегающая свое гнездо. Та, кто позовет на подвиг. И срежет волосы с головы Самсона, лишив его сил. Так много в одном хрупком создании.

– А ты, парень, с чем лежишь. Какая хвороба? – Спросил, хоть и знал, в чем дело. Пусть сам расскажет.

– Позвоночник. Они ничего сделать не смогли. Операцию сделали, а без толку. Одна мне теперь дорога, не дальняя. – Отчаяние, тоска в голосе.

– И куда ты собрался, брат? – Вот ведь дурак, точно найдет способ покончить с собой. А ему жить и жить. Как может он, Роман, принять его в долину мрака.

– Куда? Кому я такой нужен? Маяться со мной. На погост с березкой обниматься. Калека!

– Погоди! Видишь, я тоже калека. На костыле. Недавно из армии пришел. – Роман пытался образумить парня. Только такую боль трудно одолеть.

– Ты своими ногами ходишь. А я всю жизнь в коляске. И оправиться по-людски не могу. Кто со мной таскаться-то будет. Мать старая? У нее ярмом на шее висеть? Вечной болью перед глазами. А так, отболит и все. Забудет. – Парень отвернулся, глотая слезы.

– Не шуми. Мать не забудет. Ты ей любой дорог. Живой. И мертвый.

– Точно, Алексей, – раздался голос с соседней кровати. – Я ведь то же. Отрежут мне ноженьки. Мать приедет и заберет меня. И какой я ей помощник? Ей и отцу. Обуза. Не по хозяйству, не по дому. У нас огород, работы много. Со мной еще. Но я не отчаиваюсь.

– Врешь ты все, Толик. Врешь. Слышу, то же плачешь ночами.

Толик невольно всхлипнул.

– Это я так, не о себе. Мамку жалко. – Жалость к себе Толик уже одолел. Махнул на себя рукой. Кто он? Чурка с глазами. Жизнь, не успев начаться, проскакала прочь. Не одна из девяти карет не ждет.

– Парни, чего расклеились! Не все потеряно! Не унывать. – Роман не мог остаться равнодушным к этой беде. Выворачивало душу. Кричать и плакать над чужой бедой. В нем Древний боролся с простым человеком.

– Мы стараемся. – Тихо произнес Алексей.

– Толик, давай посмотрим, что у тебя с ножками. – Роман решил. Он обязан помочь. А там, что будет.

– Что смотреть. – Вот уперся. Говорят, надежда умирает последней. А тут она уже в гробу, и запах догорающих свечей.

– Я массаж сделаю, авось полегчает. – В Романа пробудилась уверенность. Он сможет помочь. Он стоял возле Толика, опирался на свой костыль.

– Моим не живым палкам? Им все едино. – Только безнадежная усталость.

– Погоди, поглядим. – Роман скинул одеяло с ног Толика. Ноги до колен были синими.

– Ну, это не беда. Давай массаж сделаем. Ты, потерпи. Не кричи, коли больно будет.

Роман легкими движениями массирует ноги больного. Руки Ромы пробегали то по одной ноге, то по другой. Разминали ступни. Жар в ладонях нарастал. Жар становился нестерпимым.

– Терпи, парень. Больно будет. – Роман чувствовал нарастание силы. Он только осваивал свои новые возможности.

Роман сжал обеими руками ноги больного. Тот вскрикнул, дернулся. Жар с ладоней Романа рванул в синие безжизненные ноги.

– Что это было? – Парень тяжело дышал. В теле бушевало пламя.

– Ничего, Толян. Ничего! Ты сейчас лежи. Потом полегче будет. Через пару, тройку дней, глядишь, на ноги встанешь.

– Ты чего?! – Вот глупость говорит. Врачи не могут, а тут санитар.

– Ты мне не веришь, Толян? Я тебе что, пургу гоню! Я тебе обещаю. Слово даю! Я Роман – шаман.

– Шаман? А что ты сделал? – Шаман, это уже понятнее. По-человечески. Говорят, шаманы умеют. Бубен там, камлают. Может и в правду?

– Камлал. Так у нас, у шаманов положено. Теперь с этим доходягой по камлаем. Завтра почти как новый будет.

Алексей рассмеялся.

– Ты фантазер, медбрат. Врачи ничего не сделали, а ты пришел – и раз! В минуту на ноги поставил. Шалишь.

– Давай, попробуем. За это денег не берут, как говорится. Не понравится, я тебе обратно, ноги повыдергиваю. Что ты теряешь?

– Ничего. – Парень рассмеялся. Развлечение, не больше.

– Вот и давай, повернись на живот. Спину посмотрю. – Роман помог Алексею повернуться на бок. Левой рукой сжал плечо больного, а правой водил вдоль позвоночника, легонько ударяя кончиками пальцев. Прощупывал каждый позвонок, искал отклик. Искал поврежденный участок.

– Тебе тоже придется показать нам, какой ты храбрый и стойкий солдат. Готов? – Роман предполагал, будет больно. Не знал, откуда эти знания.

– Всегда готов. – Вот, прямо пионер старых времен. Мальчишки, им бы в Тимура с командой играть, а не в гангстеров.

– Тогда приступим.

Роман отвел пальцы правой руки на несколько сантиметров от спины Алексея, сосредоточился. В этот миг с кончиков пальцев сорвалась яркая голубая искра и ударила в позвонок. Тело Алексея дернулось, изогнулось.

– Ты чем меня?! – Вот те раз, санитар, калеку бить.

– Шаманским бубном. Ложись на спину, закрывай глаза и отдыхай. Скоро сидеть сможешь. Ходить не спеши, голова может закружиться. Упадешь, башку расколешь. – Роман уверен, все получилось.

– Во, здесь ходи, там не ходи. Снег упадет, в башка попадет.

– Так и будет. Делай, как я говорю.

– Посмотрим, что ты накамлал.

– Парни, об одном прошу, ни кому не говорите, что я сделал. Узнают, уволят. Не научные методы. Минздрав не одобрил. Согласований не подписал.

– Спасибо, медбрат. – Парни верят и не верят.

Роман вышел из палаты. Он сам удивлялся тому, что только что совершил. Удивляло его и то, что была ночь. В такое время властвует тьма. Значит, должна быть сильнее темная сторона его существа, смерть. Но гнета тьмы не чувствовал. Не смерть властвовала над ним, а он повелевал ею. Еще не пришел рассвет, не взошла звезда Канопус, при восходе которой поют петухи, разгоняя силы зла. Еще не пропел первый петух. Не говоря о третьем. Он не понимал своей сущности. Роман стоит в больничном коридоре, а где-то рядом или за тысячи километров умирают люди. И это минует прямого контакта с его человеческой сутью. Парадокс. Он здесь и там. Сразу во всех точках. Что-то припомнилось из физики. Частица и волна.

Роман вернулся на пост, где Клава дремала, лежа головой на столе. Роман устроился на стуле, прикрыл глаза. Попытался задремать.

Часть 4

Солнце заливало чернотой все окрест. Безветренная погода. Деревья, трава и кусты словно прислушиваются к дребезжанию маленького автобуса, идущего по выбоинам старой асфальтовой дороги.

– Маша, ты все взяла? Ничего не забыла? – Николай провожал жену в дальний город. Туда, где в госпитале лежал их сын. Дорога, высланная болью. Выстраданная душой. Сын. Надежда и любовь. Желание понянчить внуков. В один миг все ушло в прошлое. Черная беспроектная дыра.

– Да, все, Коля. Все. Тут помидорчики, огурчики в банках. Сало. Вообще все взяла. – Она волновалась, но хотела казаться уверенной. Она едет к сыну. Она носила его под сердцем, он ее кровинка, как может она не любить. И в радости и в боли.

– А документы? – В сотый раз переспрашивал Николай.

– Взяла, взяла. И деньги взяла. – Она рукой показала на вырез платья на груди, куда спрятала деньги, завязанные в носовой платок и пришпиленные двумя булавками для надежности. – Ты там за курями пригляди, да цветы мои не забудь поливать.

– Погляжу. Ты в вагоне-то хоть маленько поспи. Отдохни. – Он знал эти бессонные ночи, тяжелые вздохи. Когда все уже сказано, прикосновения, не способные остановить поток отчаяния и боли.

– Да, посплю я, посплю. – Мария пытается успокоить мужа. Что беспокоиться о ней. Ее мальчик в беде. Его боль она возьмет на себя. Она – мать.

Он и сам уже несколько ночей не мог уснуть, ворочался с боку на бок. Слышал, как жена ночь напролет плачет.

– Ты, Маша, не волнуйся. Толик у нас сильный, он выдюжит. Не плачь там. Мы не будем с тобой плакать. Нам надо поддержать его. Слез не показывай. Ему и без нас тяжело. Ты там слезы лить начнешь. – Сам был готов расплакаться. Он бы свои ноги отдал, он свое пожил. Это ж сын его.

– Не буду. Главное, живой. Мы с тобой его поддержим, выходим. Без ног, так без ног. Денег скопим, что продадим. Протезы ему купим. Кровиночка моя. – Слезы текли по щекам.

– Не плачь. Пока живы, будем с ним. Нам сейчас держаться надо.

Автобус подъехал к маленькой железнодорожной станции. Они вышли, вытащили котомки. Расположились возле скамейки.

– Ты мне, Коля, билет возьми. – Ноги у нее отказывали от волнения. Она едет встречать сына. Слышите, сына! Она мать.

– Сейчас, сбегаю.

– Ты мне плацкартный бери, подешевле. Мы обратно с Толиком уж в купейном поезде.

– Ладно.

Он вернулся с билетом. Они присели на скамейке, обнялись, пытались поделить одно горе на двоих. Подошел поезд. Николай помог жене забраться в вагон. Подал сумки.

– Давай, езжай. – Старался говорить уверенной. В дальнюю дорогу провожает. Там не просто.

– А ты домой. Приглядывай там. Мы скоро приедем. – И она хотела поддержать мужа. Вдвоем, нет, втроем они все осият.

Им не надо было много говорить друг другу. Что не высказано словами, говорили глаза.

Вагон тронулся, качнулся, поплыло деревянное здание вокзала. Поезд отправился в путь. Николай, сильный не молодой мужчина, заковылял обратно к автобусной станции. Его плечи поникли. В один миг он превратился в старика, в безжизненную куклу из которой вынули стержень. Жена уехала, ему можно не прятать свою боль.

Мария добралась до своего места, спрятала под сиденье сумки. Села, безвольно опустив на колени руки. Тело раскачивалось в такт стуку колес. Стук монотонный колес будет нам петь до зари... Только о чем? О чем будет петь этот стук для нее? О потерянных надеждах? О том, что ее единственный сын, ее кручинушка, будет доживать жизнь калекой. Она будет рядом с ним, и боль за него будет сопровождать ее до конца жизни. Губы шептали: Боже, за что ты его, меня бы лучше, старую. Мне век доживать и так бы.

Вот и вокзал большого города, его беспорядочная суматоха, толпы людей. Мария, увешанная котомками, нашла троллейбусную остановку. Выспросила, как доехать.

– Вы на этот маршрут садитесь. Он вас до самого госпиталя довезет. Не быстро. Тут далековат. Но доедете. Главное, без пересадок. Вам с вещами в самый раз.

– Спасибо вам. Спасибо. – Забралась в троллейбус, поставила сумки. Скоро она увидит своего сыночка.

Павел Павлович с утра отправился на обход. С ним лечащий врач, Константин и медсестра. Главный врач обходил, обычно. Самых тяжелых больных лично.

– Поглядим, как швы. Все нормально. Такими темпами, парень, мы скоро тебя выпишем. Дальше идем, коллеги.

Они переходили от палаты к палате. Осматривали больных.

– В тринадцатую зайдем. Посмотрим, не опоздаем ли. Долго Анатолия держать нельзя. Другого выхода не вижу.

Павел Павлович решительно открыл дверь, вошел в палату.

– Как, орлы, самочувствие? Как настроение? – Павел Павлович старался быть бодрым. Уверенность врача так нужна больным.

– Спасибо, Павел Павлович, хорошо. – Откликнулись оба.

– Сейчас поглядим, чего у вас. Начнем, Толя, с тебя. – Павел Павлович присел рядом с больным.

Он сбросил одеяло с ног больного и...

– Это... Это что? – Врач был в замешательстве. Он совершенно не был готов увидеть подобное.

– Что там, доктор. – Лечащий врач, Константин, заглянул через плечо Павла Павловича.

– Ничего, погоди. Константин, это мне кажется или на самом деле? – Павел Павлович начал ощупывать ноги больного.

– Павел Павлович, не знаю. Ноги... – Константин тоже увидел, синева отступала.

– Что у меня там с ногами? Я же не вижу. – Толя забеспокоился. Эти дни были для него самыми тяжелыми.

– Лежи ты, лежи. Они оживают. Гангрена отступает. Цвет изменился. Кровь в ноги поступает. Константин, вы когда-нибудь видели такое? – Павел Павлович обернулся к доктору. Бесспорно, Константин был поражен не менее главного врача отделения.

Алексею тоже было любопытно, что там так удивило врачей. Он сел на постель, опустил ноги, что заглянуть, что там.

– Мамочки! – воскликнул он. Алексей не думал, что сможет сесть. Тело выполнило желание само, без усилий. Как прежде. Человек не отдает мысленной команды телу. Оно само знает, что и когда делать. Спинной мозг руководит давно написанными программами.

Врачи обернулись на этот возглас.

– Мамочки, – бормотал Алексей, – я же чувствую их. Доктор, они шевелятся!

По лицу Алексея потекли слезы. Он не мог сдержаться.

– Что?! – Одновременно вырвалось у Константина и Павла Павловича.

– Ноги! Они... они... я... вот... – Алексей не знал, как объяснить, что с ним произошло. Мысли в голове скакали и прыгали, радость захлестывала. – Они шевелятся.

Алексей упал лицом на подушку и заплакал еще сильнее, безудержно. Плечи дергались, тело нервно тряслось. Сквозь рыдания можно услышать:

– Толян, он правду нам сказал. Правду!

– Кто он сказал? Кто он? Алексей! – Главный врач хотел знать, кто предсказал это чудо. Откуда здесь взялся чудотворец.

– Доктор, это он от радости. Ему паралич из ног в голову ударил. – Вмешался Анатолий. Не хотелось подводить медбрата, Романа.

– Что ударило? Алексей, прекращай истерику. Кто сказал? Кто был здесь? Посмотрим твои ноги.

Павел Павлович и Константин перешли к больному. Начали осмотр.

– Пошевели пальцами. Еще. Приподними ногу. Можешь? – Настойчиво спрашивал Павел Павлович. Сжимал ладонями до боли атрофированные мышцы.

– Могу. Могу, доктор. – Алексей воспринимал боль, как наслаждение, как величайшую радость. Он давно не чувствовал своих ног, теперь они возвращались к нему в этой боли.

– Хорошо, Очень хорошо. Все просто замечательно. – Павел Павлович взял себя в руки. – Ну, что, коллеги, на лицо прогресс. Успехи нашей медицины. Идемте. И он вышел из палаты, уводя за собой коллег.

– Константин, я ничего не пойму. Что здесь происходит? Вы можете объяснить? – Спрашивал Павел Павлович на ходу.

– Павел Павлович, нет. Объяснений у меня нет. – Константин разводил руками. Ничего подобного в своей практике он не встречал. Не мог припомнить и сообщений в научных журналах.

– Идем ко мне. – Павел Павлович полагал, что там, в тиши кабинета, ему удастся найти решение.

Они закрылись в кабинете. А молва на быстрых ногах медсестры побежала по отделению.

Главный врач сел в кресло за своим столом. Отодвинул в сторону истории болезней. Картина болезни и лечение пациентов из тринадцатой палаты были ему хорошо знакомы. Сколько раз он пытался найти выход из страшной ситуации с этими молодыми ребятами. Все без толку.

– Я не знаю, Костя, что произошло. Я не видел ни одного случая, что бы гангрена на такой стадии отступала. Сама собой. С параличом еще можно притянуть объяснения. Нервные окончания восстановились. Не сразу реакция на хирургическое вмешательство последовала. От лукавого речи такие. Два случая одновременно в одной палате. Это перебор. Как объяснить?

– Ни как, Павел Павлович. – Константин тер лоб рукой, словно это могло ему помочь.

– Кто он? О чем проговорился Алексей? Кто мог зайти в палату? – Он видел, ребята чего-то не договаривают.

– Я вечером делал обход. Все было, как обычно. Ничего подозрительного. Никаких чудес. – В голову не приходила даже самая неправдоподобная версия случившегося.

– Свободен. Дай я подумаю. Может, какая мысль придет. Ты подумай, может, что вспомнишь. – Павел Павлович задумался.

То, что произошло, могло произойти только ночью. Посещения запрещены. Кто ночью мог проникнуть в палату? Медсестра. Санитарка. Это... Это же был он! Конечно, на этом этаже один медбрат. Ведь Алексей сказал «он», а не она. Мужчина. Новенький. На костыле, хромой. Других больше не было. Роман. До него подобное не происходило. Это с ним связано? Павел Павлович соскочил и направился в комнату Романа.

Роман утром, ровно в восемь часов, оставил пост возле дежурной медсестры и отправился в свою келью. Умылся холодной водой. Вскипятил кофе, достал с вечера принесенные бутерброды. Решил перекусить.

Что ни говори, древний бог, а жрать охота. Кто-то солнечным ветром питается. А ему хлеба с колбаской и сыром подавай. Боги тоже жаждут. А его божество, живот, особенно. Горячий ароматный кофе и бутерброды. Было от чего подняться настроению. Не плохо бы и подремать, но надо работать. Дверь его кельи распахнулась, и через порог влетел Павел Павлович.

– Павел Павлович? – Роман отодвинул чашку с кофе, бутерброд положил на чистый лист бумаги.

– Роман, это что?! – Главврач хотел немедленно получить ответ на самый главный сейчас вопрос.

– Это бутерброд. Крошки от бутерброда. Я сейчас приберу. – Вот, начал трудовую деятельность с нарушения. Есть обеденный перерыв, есть буфет внизу. Надо будет исправляться.

– Объясни, что это? – Врач сел на стул напротив медбрата. Смотрел на того, как следователь на подозреваемого. Нет, как на преступника. Вина казалась очевидной.

– Где, Павел Павлович? – Роман немного растерялся.

– Я тебя спрашиваю про тринадцатую палату. – Павел Павлович пытался объяснить, о чем речь.

– А чего там? Я заходил, судно больному подал. Все было в порядке. – Роман понял, расплата неминуема. Но признаваться не хотел.

– Я спрашиваю про больных. – Павел уточнял свой вопрос.

– А с ними что? – Роман делал вид, что ничего не понимает. Признаваться ему не в чем. Кто съел вишневое варенье? Так это кот, забежал случайно и съел.

– Что?! Анатолий, у него гангрена. Отступила. – Павел Павлович испытующе смотрит на своего собеседника.

– Ну, так, поделом этой самой гангрене. – Роман пожал плечами. Какое отношение ко всему этому имеет он?

– Алексей. У него паралич прошел. Что ты можешь сказать по этому поводу?

– Не могу знать. Нам не по чинам. Я не врач. – Полное непонимание.

– Не прикидывайся. Ромка, говори! – Павел Павлович начинал гневаться.

– Чего говорить? – Медбрат пытался держаться прежней тактики.

– Что ты там делал? – Настаивал главврач.

– Я и говорю, судно больному дал. Спросил, может воды или еще чего. – Не пойман, не вор. Сознаться ему не в чем.

– Не крути! Роман, Алексей, у которого паралич, от неожиданности, что чувствительность к ногам вернулась, выкрикнул: он правду сказал. Тут только одно объяснение, что ты был прав. Именно о тебе он говорил.

– Почему я был прав? Он так и сказал?

– Дословно: он сказал правду. За это время мужчина к ним заходил один. Он! Понимаешь, он. И это был ты. Только ты мог им что-то сказать. – Павел Павлович полагал, теперь Роману не отвертеться.

– Может и сказал. Подбодрить хотел. Не расстраивайтесь. Выздоровеете. Все пройдет. Медицина у нас на высоте. – Тщетная попытка. Роман понимал, придется в чем-то признаться.

– Роман, не издевайся надо мной. Просто сказал, а они тотчас выздоровели. Добрым словом вылечил. За кого ты меня держишь? Что ты с ними сделал?!

– Я сказал, что я Роман-шаман. Немного покамлаю, и у них все будет в порядке. Массаж сделал тому и другому. Ничего больше. – Роман оправдывался. Все очень просто.

– Роман, просто массаж? Ты отдаешь себе отчет, это переворот в медицине.

– Я никого не переворачивал. Клянусь, не переворачивал. – Если прикинуться идиотом, все уладится.

– Медицину переворачивал. Тьфу! – Доктор уже сам запутался.

– Я не хотел ее переворачивать. Лежала себе и пусть лежит.

- Объясни сейчас же, как ты это сделал. – Нет, он добьется правды.
- Павел Павлович, а вы кофе хотите? – Если перевести разговор на другую тему все само собой уляжется.
- Отстань со своим кофе! Говори! – Павел Павлович вскочил, навис над Романом.
- Я вам чашечку кофе налью. Вы присядьте. – Роман видел, придется каяться.
- Ну, налей. Налей и признавайся. Что ты им давал? Таблетки какие?
- Я говорил, только массаж. – Разговор возвращался в старое русло.
- И ты думаешь, это помогло? И я тебе поверю?
- Павел Павлович, мне не в чем больше признаваться.
- Рома, не упрямься. Я вижу, ты не договариваешь. А то я не знаю, что сделаю. – Павел Павлович и сам не знал, что сделает.
- Павел Павлович, вы ругаться не будете? – Придется рассказывать.
- Не знаю. Обещать не стану. – Главврач успокаивался.
- Только вы никому.
- Хорошо.
- Павел Павлович, я древний бог. – Вот и сказал правду. Будь что будет.
- Кто? Может нынешний псих? – Устало спросил Павел.
- Я не вру, Павел Павлович. Дело в том, что я не с этой планеты. – Роман понимал, такие объяснения звучат не убедительно.
- Прекращай издеваться! – Виновник обнаружен, это успокаивало. Теперь следует понять, как Роман это сделал.
- Павел Павлович, вы сами видели, что я сделал.
- Рома, я этого не понимаю.
- Я сам недавно узнал о своих способностях. – Роман чувствовал, доктору можно довериться.
- Рома, если кто-то узнает о твоих способностях, ты представляешь, что будет. – Павлу Павловичу приходилось принять существующее объяснение.
- Что будет? – Роман улыбнулся.
- Тебя разорвут на части. Очереди больных и жаждущих чуда. Паломники. Шарлатаны всех мастей ринутся. Тебя на сувениры разорвут. – Пока только это мог предвидеть доктор. Что произойдет, никто не знает.
- Меня не разорвут. А с многими я не могу, не получится всех излечить.
- Почему? Для начала, почему не разорвут? – Поинтересовался Павел.
- Я бессмертный. Это вас, Павел Павлович, разорвут. – Роман развел руками, он тут не виноват.
- Меня то за что?
- Как адепта или пророка. Вы меня вычислили. Я просто инопланетянин. Обыкновенный. Как по латыни будет, иннотериус вульгарис?
- Никто не поверит ни в твою божественную сущность, а тем более в то, что ты инопланетянин. Тарелки, я понимаю, у тебя нет. Дырявой ступы тоже. И морда не зеленая. Очень даже земная.
- Тогда замнем это для ясности. Забудем. И никому не станем говорить. Если что, я вам где-то и помогу. Так чтобы никто не знал. Так спокойнее. А это, произошло и произошло. Пусть они гадают, как с той теткой.
- С какой теткой? – Павел насторожился. Значит, есть что-то еще.
- Павел Павлович, я это... – Роман замялся.
- Говори, с какой теткой. – Приходится все вытягивать из этого парня.
- Я не хотел...

– Проговорился, так продолжай. – Павел Павлович понимал, пришла беда, отворяй ворота.

– Тут вчера утром я шел на работу. Женщину у меня на глазах машина сбила. Рядом с нашим госпиталем. Голову разбила она. Кровь течет. Ребра сломаны. Я подошел. Она не старая, ей еще жить, да жить. Я к ней склонился, голову приподнял, почувствовал в руках жар. Раньше со мной такого не было. Кровотечение остановилось. Чувствую, ребра срastaются. Я ей только тихо сказал, что не время ей помирать. Она в себя пришла. Я в толпе затерялся. К тому моменту, когда скорая помощь подъехала, рана закрылась. А я потихоньку ушел.

– Если не врешь, я у знакомых выясню в скорой помощи. Во сколько это было? – Но Павел уже не сомневался, Роман говорит правду.

– Рано я вышел. Минут пятнадцать восьмого. Я только из квартала, где живу, от трех поганок вышел.

– От каких поганок? Тебя в бордель занесло? – Еще этого не хватало.

– Нет. Я живу в бараке. Там их три синих барака. Так я в одном живу. Кругом хорошие, большие дома. А эти стоят, как поганки. Синей краской умазаны. Это возле перехода через улицу, напротив супермаркета. – Роман описал, где живет.

– Хорошо. Как ты говоришь, замнем для ясности. Работай. – Слишком много свалилось одним разом на Павла Павловича. Надо спокойно все обдумать.

Павел Павлович ушел к себе. Из своего кабинета он позвонил своему давнему другу, с которым учились в институте. Тот работал на скорой. Станный случай подтвердился.

Часть 5

Странные сны продолжали посещать Романа по ночам. Иногда и днем появлялись какие-то неясные ощущения. Словно открывался другой мир, вспоминалась иная жизнь. Картины настолько реальные, осязаемые, что казалось, он сходит с ума. Планеты и звезды, над которыми он парит, и одновременно они внутри его тела. Он растворялся в бесконечности, оставаясь в одной точке. Незнакомые миры, о которых знаешь все. Незнакомые лица близких людей. События, происходившие не с ним, но в которых он участвовал. Сильнее других его затронула одна картина. Он увидел парнишку, спящего в своей постели. Тело парня сместилось, закружилось в межгалактическом пространстве. Пронеслось в тумане, разделяющем миры и времена, мягко опустилось на прибрежный песок. Волны набегают на берег. Над морем встает солнце. Роман знает, это он переместил мальчишку. Эти перемещения сошьют края миров. Парень лишь иголка в его умелых руках. Во время службы в армии Роман столько раз пришивал подворотнички к своему кителю, чинил свою одежду, что теперь просто справится с этой работой, сошьет вселенные. Парнишку зовут Данькой. Слабак и трус. Но его отца Роман... А может и не он вовсе, а его другое я, забросило как якорь в этот мир. И переброска Даньки из одного мира в другой проходит легче. Надо будет приглядеть за этим мальчишкой. Роман смотрит на спящего. Произносит:

– Дрыхнешь? Ну, спи. Тебе скоро просыпаться. – Роман улыбнулся.

Роман ощущал внутри себя все предыдущие древние воплощения. Но они не мешали, не вмешивались в его дела. Зато он мог обратиться в любой момент к их памяти, их опыту. Этот опыт говорил, он не должен вмешиваться в судьбы отдельных людей. У каждого из них есть предначертанное Судьбой. Его младший брат, Кайрос, глупый деревенский мальчишка из далекого мира все давно решил. Судьба. Он, Роман, может погасить звезду, уничтожить миллиарды людей, погасить целые цивилизации, но не может распоряжаться судьбами отдельных людей. Чуть подправить, подкорректировать. Уничтожив звездную систему, он удаляет несколько листков, написанных деревенским дурачком, Кайросом. Коренное изменение судьбы человека потребует изменения судеб многих других, потребует от брата переписать уже сделанную работу. И станет Судьба писать торопливым и корявым почерком, оставляя кляксы на каждом листе. Следует быть осторожным. Путаница в событиях, в причинно-следственных связях в голове Романа была ужасной. Он понимал. Для его мозга, для его человеческой части нужно время, что бы найти логические цепочки в том, в чем логики не было. Но настроения это не улучшало.

Настроение у Романа было хуже некуда. Он злился, только сам не понимал, на кого злиться. То ли на себя, то ли на весь окружающий мир.

– Ну, вот. Вот. – Ворчал он себе под нос. – Уж сколько раз твердили миру, не делай добра, не получишь и зла. Сделал на свою голову. Может, все назло сделать. Тогда они мне добром ответят. Что б чередовать, добро и зло. Оба моих начала воплотить. Если так. Они жили долго. Добро? Несомненно. И умерли в один день. Считается, не плохо. А если весь этаж госпиталя в один день умер. Плохо. Палаты освободятся. Хорошо. Все ерунда. Ни одной мысли светлой в голову не лезет. Что за комнату мне для работы определили. Взгляд негде остановить. Никак не сосредоточусь. Может, картинку какую повесить? Полуголых красавиц во всю стену. Не оценят. Он долго бы еще обдумывал, чем украсить кабинет, но от этого его отвлекла раскрывшаяся дверь. Пришла Маша. Та, что встретила его в первый день на работе.

– Роман Алексеевич, я к вам. – Маша вошла, явив свое побитое щербинами лицо.

Что это по отчеству стали кликать, – подумалось Роману. – Не проста. Не к добру. Что-то от меня надо.

– Что ты хотела, Маша? – Старался говорить мягко, но сам думал, носит вас тут.

– Я к вам с требованием. Мне подписали. На халат. Этот совсем износился. – Девушка прикоснулась к чуть пожелтевшей от стирок ткани халата.

– Это не проблема, – Роман облегченно вздохнул. – Давай. Подберем по размеру. Выбери.

Он разрешил Маше самой выбрать то, что ей понравится. На стеллаже в соседней комнате у него был десяток новых халатов.

– Слушай, Маша, чем бы мне оживить свою берлогу. Уныло здесь. Если горшок с цветами поставить? – У женщин в таких вопросах больше опыта. Чутья что ли.

– Нет ничего проще. Вам фиалки нравятся? – Маша улыбнулась. Что проще такой задачи.

– Не ведаю. Сирень знаю, гладиолусы. И эти... Георгины. Такие большие. Остальное – темный лес для меня. – Чистосердечно признался Роман.

– Фиалки цветы небольшие. Цветут долго. Не прихотливые. – Пояснила Маша. Как описать все разнообразие этого вида цветов.

– В самый раз. Где ими торгуют? – Надо выбрать время и купить. Забежать в киоск. Роману казалось. Он где-то видел такой. Цветы, круглосуточно. Вот бред: цветы ночью.

– Зачем покупать. У меня здесь их много. Я даже думала, кому отдать часть. – Маша была рада, пару горшочков она сможет отдать новому сотруднику.

– Я не откажусь. Не жалко, давай. – До чего предсказуема человеческая природа. На халявку и уксус – мед. И человеческая часть души Романа не далеко ушла от других людей.

– Я сейчас принесу, – Мария вышла и отправилась к себе, захватив новый халат.

По пути встретила Клаву. Та шла по коридору и даже не пыталась делать вид, что занята работой. Вот еще, кому надо. От работы кони дохнут.

– Маша. Ты откуда идешь? – Как не перекинуться словечком.

– Халат новый получала у Романа Алексеевича. – Маша показала новенький открахмаленный халат.

– И не побоялась к нему идти? – Клава пыталась изобразить ужас на лице. Но это больше походило на любопытство.

– А чего бояться. Не поняла. Он не кусается. – Чего только Клавка не выдумает.

– Ты не знаешь? Об этом все говорят. – Клавдия понизила голос, ухватила собеседницу за пуговицу халата. Не вырвешься, голубушка, все выслушаешь. Хоть кому-то еще можно рассказать.

– О чем? Что я пропустила? – Маша сторонилась больничных слухов и сплетен. Она справедливо думала, что и об ее уродливом лице было немало разговоров.

– Он чернокнижник. Колдун. – Как можно не знать такой потрясающей новости. Среди них настоящий колдун. Это кому рассказать.... Рассказать кому, она найдет.

– Чего выдумали. Какой он колдун. Ну, на костыле. Что с того?

– Сама посуди, в тринадцатой палате доходяги лежали. А нынче забегали все наши врачи. Душу продали чернокнижнику парни. Ночью черную мессу правили. Он их и вылечил. Сила колдовская!

– Глупости это. В госпитале черная месса? Не средневековые же. – Маша рассмеялась. Кто в эту чушь поверит.

– Не глупости. Все говорят. Роман живет в бараках. Вот там каждую ночь черную мессу творит. В сатанинском обличи по округе бегает. – Живое воображение подсказывало Клаве страшные сцены. Ведьмы и черти с рожками. Невинные девы зарезанные на алтаре. Ей и впрямь стало страшно.

– Как? – Поверить во все это Маша не могла.

– Он козлом рогатым одевается и по ночам бегает. Колдун все может. И парней этих на ноги поставил. Шаманом себя зовет. Такие пентаграммы чертят, бесов вызывают. Кровью на бесовский алтарь брызгают. Он за тем к нам и работать пришел. В хирургии кровь учуял.

Он все может. Костылем махнет, кожа твоя станет белая и шелковая. Такое ни в одном салоне красоты не сделают. Если его обидишь, так порчу напустишь. Венец безбрачия наденет.

– Дура ты, Клавка. Где только всякой чуши набралась. – Маша пошла дальше. Дурью развлекаются.

Она собиралась выбрать цветы для Романа. Но кольнуло сердце: ребята в тринадцатой палате ожили. Это правда. Раньше такого не случалось. Если так... Может и вправду.

Она бросила халат на спинку стула. С подоконника взяла горшок с фиалками. Помчалась к Роману. Решение по дороге созрело само собой. Моментально. Запыхавшись, вбежала в кабинет Романа.

– Принесла. Ставить то куда? – А сама думала, как попросить колдуна о помощи. Так хочется верить в сказки, так просто обманывать себя.

– Поставь на виду. На полку. Здесь и смотрится и солнца хватит.

Маша поставила цветок. Роман стоял, опираясь на костыль, приглядывался, хорошо ли будет смотреться.

– Вы поливать не забывайте. А то засохнет. – Посоветовала Мария.

– Полюю. А как часто? Я с цветами не очень. Могу от усердия и залить.

– Земля подсохнет, польете. Рукой пощупаете, сразу определите. – Отчего мужчины таких простых вещей не знают.

– Так и сделаю. Спасибо.

– Роман Алексеевич. – Маша собиралась с духом. Сейчас попросит.

– Чего?

– Вы... вы можете сделать меня красавицей? – Маша выдохнула из себя просьбу. Понимала, говорит глупость, но не могла сдержаться.

– Не понял. – Просто сказка на детском утреннике.

– Лицо. Вы же ведете, какая я. Хоть чуть получше. – Маша почти пищала от стыда и смущения.

– Зачем тебе. Ты и так хороша собой. – Чего только не удумают девки. Морду огурцами обклеивать на ночь, утром цветными мелками раскрашивать. От безделья это.

– Как зачем. – Она замолкла, потом брякнула. – Я замуж хочу.

– Чего?

– Ну, как другие. Нет в этом ничего плохого. – Извинялась Мария.

– Ты знаешь, что женское счастье, оно не долгое. – Как им объяснить, муж не только счастье, но и ноша тяжкая.

– Хоть день, да мой. Хоть узнать, что это такое. – Это она из упрямства. А что? Другим можно, а ей старой девой оставаться?

– Ой, Машка. Не знаю, кто и что тебе наговорил. Совсем сдурела.

– Я ничего не пожалею. Зарплату вам отдам. У меня под отчетом спирт есть, хотите?

– Не нужен мне спирт. У самого есть.

– Я, как эти ребята из тринадцатой палаты, я душу могу заложить. Только помогите. – Это было уже отчаяние.

– Одурела! – Роман представил, какие разговоры идут про него.

– Все говорят, вы колдун. По ночам черную мессу правите. Пожалуйста. Я на все готова. – На глазах Маши выступили слезы.

– Что с тобой делать. Придется рассчитываться мне за цветочек аленький. Аксаков для меня писал. Хочешь цветочек, расплата последует. Семь бед, один ответ. Подымайся. Иди за шкаф, умойся. После этим полотенцем, – Роман протянул Маше полотенце, что лежало на полке, – лицо оботри досуха. Но гляди у меня, умывайся с закрытыми глазами. Пока лицо этим полотенцем не оботрешь, в зеркало смотреть нельзя. Сам темный хозяин на тебя глядеть будет, если взглядом с ним встретишься, не только душу заберет, с собой в зазеркалье ута-

щит. В ад, то есть. Верну твой нормальный вид. Но, гляди, обратно захочешь личину надеть, не проси, не помогу. – Если девчонка хочет сказки, пусть получит. Очистить кожу он мог и так. Наболтал, что б интереснее было девчонке.

– Ой, Роман Алексеевич. Только сделайте. – Маша ждала чуда.

– Иди тогда. Водой омойся. – Ромка корчил из себя ведьмака.

Мария заскочила за шкаф. Сердце трепыхалось в груди. Сама не верила, как решилась на такое. Закрыла глаза, начала умываться. После тщательно вытирала лицо. Не отнимая полотенца от лица, вышла:

– Роман Алексеевич, а теперь можно глаза открыть?

– Если все выполнила, как велел, можно. Иди, смотришь.

Мария отвела руки с полотенцем от лица и бросилась к зеркалу. Ног под собой не чувствовала.

– Вау! Ой! – Кричала она, рассматривая свое лицо в зеркале.

– Чего там? – Роман старался сохранять серьезность. Обряд колдовской – это вам не шутка.

– Роман! – Она выпорхнула из-за шкафа и бросилась на шею к Ромке. – Спасибо, Роман Алексеевич. Какой красавице вы меня сделали.

Мария была готова и плакать, и смеяться.

– Ну, чего! Говорил, не делай добра, не получишь зла. Выскочила и давай первому попавшему мужику, то есть мне, на шею вешаться.

– Я не вешаюсь. Вы посмотрите, Роман Алексеевич. Какая я стала. – Маша не могла прийти в себя от счастья.

– Как надо, такой и стала. – Ромка думал. Именно так должен разговаривать настоящий ведьмак.

– Вы на лицо посмотрите. Все исчезло. Так в лучшей пластической хирургии не сделают. За бешенные деньги. Мне бы никогда столько не заработать, что б туда попасть. И кожа какая стала. Так никакой крем, ни какая операция. А вы за один раз.

– Вот и иди, ищи себе жениха. Счастья ей подавай. – Роман ворчал, как старый дед. А сколько ему лет на самом деле? Ровесник вселенной. А может вселенная, в которой он находится, ему в правнучки годится. Он не знает времени. Оно не существует для него. То, что помнят другие его воплощения, он воспринимает, как свою жизнь.

– И найду. – Маша была уверена, ее судьба изменится.

– Иди. Душу береги. Никому не отдавай. – Посоветовал Роман.

Маша выскользнула из комнаты и новой, теперь уверенной походкой пошла по больничному коридору.

Роман стоял у окна своего кабинета. Смотрел на улицу. То ли воспоминания, то ли другая реальность ворвалась в сознание. Легким звоном. Он увидел того мальчишку, Даньку. Лежит на сундуке в каюте капитана Свена. Умаялся после тренировки. Фехтовальщики чертовы. Так парень загнется раньше срока. Нельзя оставлять этого так. Роман шагнул сквозь реальности, вошел в дрему Даньки. Мгновение, они начали тренировочный бой. Данька. Ты и не подозреваешь, как тебе повезло. В лице Романа сама Извечная Сущность дает тебе уроки мастерства. Каждый звон клинков оживет в тебе. Потаенные уголки человеческого мозга открываются. Ты получаешь доступ к запретным уголкам сознания. Бой закончен. Данька уплывает в свои сны. Роман возвращается из потока воспоминаний своего прошлого воплощения. Он снова стоит у окна в своем кабинете.

Мария Николаевна вылезла из троллейбуса. Тот захлопнул за ней двери. Она посто-яла, озираясь по сторонам. Перекинула котомки через плечо, в оставшиеся вцепилась руками и пошла. Она часто останавливалась, что б передохнуть и собраться с мыслями. Она хотела

выполнить обещание данное мужу, Николаю, не плакать, быть сильной. Но это не получалось. Слезы текли по щекам.

Я должна, должна. Толика бы не расстраивать. Ему и так тяжело. – Крутилось в голове. Ей указали, как пройти в хирургию. Вошла в холл. Тут лежит ее сыночек, ее мальчик. Забралась на третий этаж. Отыскала палату. Остановилась у дверей. Номер какой нехороший. Тринадцать. Не счастливый. Открыла дверь, вошла. Ее Толик и второй парень сидели на своих постелях, разговаривали и смеялись.

– Что, Алексей, здорово Роман нас за один прием вылечил. Без него пропали бы. Как заново родились. Приеду домой к мамке...

– Толя! – Мать сбросила сумки и бросилась к сыну.

– Мама! – Анатолий приподнялся навстречу матери.

Она обняла его. Заплакала.

– Толя. Толечка мой. – Обнимала его плечи, голову. Руки ее дрожали, от слез ничего не видела.

– Что ты, мама. – Толя обнимал мать, пытался ее успокоить. Господи, мама рядом. Все позади. Все будет хорошо.

– Я к тебе. Нам сказали, ты совсем плох. Ноги будут отнимать. – Слезы. Будто в ней были реки слез. Вновь полились из глаз. Одна мысль, что ее сыну причинят такую боль, что он станет калеккой разрывали сердце.

– Мама, смотри, скоро ходить буду. Алесей то же неходячий был. А теперь шустро бегает. – Он руками чуть отстранил от себя мать, пусть увидит, он стоит на ногах. – Видишь, видишь, мама. У меня все хорошо.

– Вы не плачьте. Здесь хорошо лечат. – Говорил Алесей. Глядя на этих двоих. Алексею самому отчего-то хотелось плакать. Мать, сколько в этом слове.

– Ой. Вижу. Только успокоиться не могу. Мы с отцом извелись. Нам сказали, без ног ты останешься. – Мария Николаевна пыталась унять слезы.

– На поправку я мама. Все обошлось.

– Слава богу. Чего это я? Я гостинцев привезла. Все свое.

Она вновь бросилась к своим сумкам, начала вытаскивать гостинцы.

– Поедите маленько. Все польза будет. Здесь, наверно, одной кашей кормят. – Кто позаботится о ребенке, кроме матери. Никому не нужно чужое дитя.

– Нет. Кормят не плохо. Но по домашнему я соскучился. И Алексей не откажется.

– Вот, вот. Все из дома. Сальцо. Как ты любишь, подкопчённое. – Она суетилась, никак не могла прийти в себя от радости.

– А как, как лечили-то? – Спихватилась Мария Николаевна.

– Нормально. Ромка пришел и вылечил. – Такое простое объяснение.

– Ромка?

– Ну. Да. Потыкал так, этак. Мне ноги потер. Лехе по хребту двинул. Все и прошло. – Сейчас все было в прошлом и выглядело даже забавным.

– Ты чего его Ромкой называешь. Надо Роман доктора звать. – Что ж у нее сын такой нескладный. Как можно так говорить о докторе.

– Не доктор он. Просто мужик хороший. Санитаром работает. – Толик рассмеялся.

– Так простой санитар? – Мать не могла понять, как может санитар вылечить. Если врач не смог. Их же тому обучают.

– Да. Врачи отказались от нас. А Роман пришел, все в одночасье сделал.

– Отблагодарить надо. По-людски. Чего-то дать. Заплатить. Сейчас даром никто. Хоть гостинцев, денежек дать. – Весь ее жизненный опыт говорил об этом. Сухая ложка рот дерет.

– Мама, успокойся.

– Как успокойся. Надо найти его. В ножки поклонится. А вы кушайте, кушайте. Я сбегая, отыщу его.

Она нагребла в одну сумку «гостинцев», вышла в коридор.

Ромка сидел, развалившись на стуле, и глядел на цветочек. Сосредотачивался.

– Хорошо. Совсем не плохо, смотрится. Уют и шарм.

Вошел Павел Павлович.

– Что, Рома? – Главврач печально качал головой.

– Что, Павел Павлович? – Опять ему достанется.

– Опять твои проделки. С прежним не успели развязаться. Что творишь? – Павел Павлович подсел к столу.

– Что случилось? – Роман понимал, о чем идет речь. Но желания признаваться в содеянном у него не было.

– Сам не знаешь. Опять прикидываешься. – Павел Павлович не знал, хвалит ему Ромку или ругать. – Я про Марию спрашиваю.

– Она сама просила. – Объяснение глупое, но другого не было.

– Сейчас вся больница стоит на ушах. О твоих делах и в других отделениях наслышаны.

До главного врача госпиталя дойдет.

– Я не хотел. – Иногда и Боги, как простые мальчишки, оправдываются за свои проделки.

– Делать то что? Он не хотел. Не знаю. Как тебя ругать. Молодец ты. Людям помог.

– Видите. Молодец. – Роман рад похвале.

– Как соленый огурец. Молодец.

В этот момент в дверь постучали.

– Войдите, – бросил Павел Павлович.

На пороге стояла пожилая женщина. Мария Николаевна.

– Мне Романа. – Женщина переступила порог. – Сказали, здесь могу его найти.

– Я Роман.

– Я к вам. Я мама Толика. Из тринадцатой. Я поблагодарить вас.

– За что?

– Вы сыночка подняли. На поправку он. Я б в ножки вам поклонилась.

– Спасибо. Не надо. – Роман даже испугался. Вдруг сейчас в ноги бросится.

– Я тут гостинцы с собой везла. – И Мария Николаевна стала выкладывать все из сумки. –

Это от чистого сердца. Свое, деревенское. По своему рецепту готовила. Все чистенькое, не побрезгуйте.

– Спасибо. – Что теперь с этим делать?

– Если денежек надо, – рука женщины полезла за пазуху. – Сейчас достану.

– Да, не надо. Не доставайте. Ни каких денег. Это государственное учреждение. Не положено. Успокойтесь. Вон, Павел Павлович, главный хирург отделения. Он говорит, что скоро выпишет вашего сына. Вернется домой, здоровый.

– Спасибо. Спасибо, Павел Павлович, спасибо вам всем. – Люди какие тут добрые. Как их благодарить.

– Вы лучше за сыном поухаживайте. Ему еще не так просто. Думаю, как Павел Павлович, сколько он еще пролежит? – Спросил Роман.

– У тебя, Рома, спросить надо. Ты эту кашу заварил.

– Мы тут с Павлом Павловичем посоветовались, дня через два можно домой. – Выкрутился Ромка.

– Спасибо. – Мария Николаевна кланялась. За сына благодарила.

– Идите, сын вас ждет. – Роману было неловко.

– Я побежала. – Мария Николаевна вышла.

– Как, Павел Павлович, молодец, как соленый огурец. Вот тебе банка огурцов. Домашнего соленья.

– Да, Рома. На стороне стал зарабатывать. Сырым и вареным берешь.

– Не обижать же ее.

– Все правильно. Она от чистого сердца. От радости. – Павел Павлович вздохнул. Чаще бы отпускать людей с радостью в сердце, а не с болью.

– И я о том же. Павел Павлович, мне бы после дежурства, да и от греха подальше. Можно домой уйти?

– Ты свалишь, а мне тут отдуваться. – Усталая улыбка.

– Вы ж у нас главный. Вам и отвечать.

– Иди, Роман. И мне спокойнее будет без тебя.

– Спасибо.

Павел Павлович поднялся и ушел к себе в кабинет. Только сел за стол, телефонный звонок.

– Да. – Неизбежное свершилось. Ну, Павлуша, подставляй шею, намылят.

– Павел Павлович, что у тебя там творится? – Голос главного врача госпиталя.

– Ничего. Как обычно, лечим. – В нас живут проказливые дети. Мы не в ответе за шалости.

– Ты мне мозги не лечи. До меня дошли слухи, что вы какой-то чертовщиной занимаетесь. Черной магией. По отделению шаманы с бубнами толпами разгуливают.

– Это слухи. У нас никакой магии нет. – Объяснений разумных у Павла Павловича тоже не было.

– Ты у меня смотри. У нас доброхотов много. Вмиг напишут. Комиссиями замучают. Нас с тобой по головке не погладят.

– У меня все в порядке.

– Сам проверю. Выберусь, сегодня или завтра, проверю.

– Будем ждать.

Роман вышел из госпиталя, направился к себе домой в квартал трех поганок.

Надо же, оказывается, я чернокнижник. Колдун. Вызываю нечисть. А как вызвать?

– Демон, приди! – Тихо проговорил он. Еще прохожие будут шарахаться.

Рядом с Романом появился парень. Ничем не примечательный. Рубашка с коротким рукавом, джинсы, кроссовки. И на лице веснушки. Не солидное исчадие ада. Подсунули. У них там с кадрами плохо или этого по знакомству взяли? Папенька позвонил, пристроил свое чадо.

– Повелитель, звали? – Приветливо улыбается. Менеджер по продажам. Сейчас фуфло начнет втюхивать.

– Кого звал? – В голосе, отстань, не до тебя.

– Меня, повелитель. – А сколько счастья в лице. Сейчас готов выполнить все. Оплата вперед.

– А ты кто? – Уточнить все же стоит.

– Демон. – Может, ослышался, не демон, а Димон, как модно говорить.

– Какой к черту демон?

– Среднего класса. – В глазах тоска. Если б чин пожаловали за услуги.

– А! А постарше есть? – Ромка придумывал, как отделаться от этого веснушчатого парня.

– Если повелитель прикажет. – Парень сник.

– Где у тебя рога, хвост там?

– Нам не положено. Мы – демоны.

– А! Чего надо? – Может сам сгинет.

– Ты звал, повелитель, приказывай. Я готов служить тебе. – Демон угодливо склонил голову.

– Как звал? Без заклинаний? – И что у них там за порядки. С инспекцией наведаться, дать всем разгон.

– Ты повелитель. По слову твоему. Прикажешь, мы все явимся.

– Всех не надо. Тебя хватит. А то понаедете, сера и все такое. Дышать нечем.

– Мы можем лучшим парфюмом. Французскими духами. . . . – Ромка подумал, тебе бы волосы бриолином смазать. Приказчик в лавке.

– Французскими? Вот и принеси мне на пробу. Что получше. Флакончик приволочешь и можешь быть свободен.

Рома считал, что демону надо дать задание, тот выполнит и исчезнет. Не смущать же народ. Сегодня он и так натворил дел. Парень через несколько мгновений появился с коробочкой в руках.

– Повелитель, ваш приказ исполнен.

– Давай сюда. – Роман забрал коробку. – Свободен.

Парень исчез. Надо же, чего я еще могу. Не хватает в козлиной шкуре вокруг барачков по ночам прыгать.

Часть 6

Придя домой, Роман не раздеваясь, прилег на постель. Быстро уснул. Никаких сновидений. Проснулся, когда за окном уже стемнело. Поднялся, поел и решил выйти на улицу подышать воздухом. Он вышел на детскую площадку. Редкие огни окон. Отдаленный лай бродячих собак. Начало летней ночи. Возле песочницы Роман устроился на скамейку. Поднял голову к небу, к тому небу, от глубины которого кружилась голова. Там сияли крохотные огоньки звезд. Где-то возникали и затихали голоса редких прохожих. Яркий свет фар, выезжающей со двора машины. Звуки молкнут, тишина. И звезды.

Когда-нибудь в час темной синевы я запущу руки в бездонный колодец,

Мои пальцы будут перебирать блеск дальних звезд,

Я услышу шелест листвы всех миров и почувствую запах их трав.

Окунусь в родники благоуханных вод чужих океанов.

Разорву тоску одиночества, покидая приют Земли. Я обопрусь ногами на зияющую бездну мирозданья,

Протяну руки навстречу восходу безбрежья.

С раскрытых ладоней отпущу стаи древних птиц:

Крылья моих драконов встретят космический ветер.

Крик драконов возвестит безмолвию созвездий:

Рожденный вами сын вошел в Дом Восходящего Солнца,

Взял бразды правления и тяжесть Ответственности.

Галактики скажут: Да, свершится во имя твое.

– Я чужд вам, люди, но я один из вас. – Думал Роман. – Я впущу вас в свой дом, а будите ли вы там желанными гостями, зависит от вас.

Еще он думал о том, что все эти звезды доступны для него, о бездне своей второй темной половины души. Те малые крупинки счастья, что он мог подарить людям, не заполнят бездонной глубины смертельной пустоты его темного мира. Как капли влаги, упавшие на раскаленный металл с шипеньем испарятся. Но человеческая сторона его сердца хранила надежду.

Из задумчивости его вывел голос:

– Отдыхаете, смотрю. – Возле Романа стоял молодой полицейский. Лет двадцать пять.

– Да, – ответил Роман, внимательно разглядывал человека, стоявшего возле него. В форме, полицейский, сержант. – А вы тоже вышли подышать воздухом?

– И это тоже. Служба у меня такая. Я здешний участковый. – Фуражка на голове сержанта лихо повернута чуть вбок. Ковбой в полицейской форме.

Сержант подошел ближе. Роман мог его разглядеть так как свет из окон соседнего дома упал на лицо сержанта. Молодой парень, карие глаза. Похоже, светловолосый. Да, короткие пшеничные волосы видны из под фуражки. Симпатичное лицо.

– Дозором обходите свои владения. Промеж земель сих бомжей и наркоманов отыскать пытаетесь?

– Кого отыскать? – Парень не понял. Пропустил слова Романа, вглядываясь в темноту в конце двора. В отличие от молоденького сержанта, Роман мог видеть в темноте, даже чувствовать присутствие людей и животных.

– Там вы ничего дурного не увидите, – Роман кивнул головой в сторону кустов. – Ине думается не стоит их тревожить. Парень с девчонкой за теми кустками целуются. И ей нравится. Как думаешь, сержант, в шестнадцать лет это не запрещено?

– Если не заходит за пределы дозволенного. Это не самое страшное нарушение. Вы уверены, что хорошо их разглядели? Можно присяду? – Участковый не торопился. Теплая ночь располагала к неторопливости. Возможно, ему просто хотелось переброситься словом.

– Да, я не ошибся. Отчего ж, место не купленное, садись. – Роман подвинулся, давая участковому присесть.

– Меня зовут Сергей Ковалев, а вас? – Сержант пригляделся к любителю поздних прогулок.

– Роман. Роман Скворцов. – Вот будет забавно. Если и в полицию сообщили, в бараках живет колдун. И мессы кровавые. Это не пьяные дебоширы, а секта.

– Вы живете где-то здесь? – Поинтересовался Сергей.

– Вон мой барак номер шесть. Квартира два. У вас профессиональный интерес? – Начнет голову осматривать, рожки искать. Хвост ему еще покажи.

– Нет, так. Просто любопытно. Ну, и знать жителей района не плохо. – Похоже, до полиции слухи о колдунах не дошли.

– А что, район не очень спокойный? – Любопытно, как полиция оценивает обстановку в районе его трех бараков.

– Хватает всего. Дома здесь в основном новые, да ваши три барака. Съехались тут люди все разные. Вот и пошаливают, особенно поздним вечером. Не стоит здесь очень-то разгуливать. – Парень оценивающе посмотрел на Романа. Возможно с один, двумя хулиганами справится. Но если их много, не сможет убежать на костыле.

– Мне то что. Кто инвалида убогого обидит. – Роман указал взглядом на свой костыль. Не рассказывать же первому встречному, что он справится и целой армией.

– Здесь бывают всякие отморозки. Им все равно. – Сержант был прав. Всегда найдется тот, кто готов унижить человека, не способного оказать должного сопротивления.

– Авось пронесет. – Роман усмехнулся. Ему не нужно и делать ничего самому. Можно позвать того парнишку, что притащил ему французские духи, молодого демона среднего класса.

– Так все думают, пронесет. А лучше бы сидели дома. – Так и участковому спокойней. Меньше происшествий на участке, меньше головной боли. Все это явно отразилось на лице участкового.

– Не сидится что-то. Думаю, выйду, подышу перед сном, глядишь, сон будет крепче. А подонков и среди белого дня можно встретить.

– Может ты прав. Всю жизнь прятаться в норке не получится. – Сергей искренне хотел, что б на его участке соблюдался закон.

– Ты, сержант, здесь в этом районе живешь? – Так лучше, если участковый не проходящий, а живет в этом районе.

– Да. За тем домом, мой. Старенький трехэтажный. У меня на первом этаже однокомнатная. Служебная. – Сержант лишь чуть развел руками. Что бог послал или по службе выделили.

- Из-за этого и пошел служить в полицию? – Как просто все в этой жизни.
- Да. Жилье, зарплата кой – какая. А ты?
- Я со службы вернулся. Видишь, костылем наградили. Комнатку дали в шестерке. Работу дали в госпитале. Главное, не далеко здесь до работы. Зарплата не самая большая, но жить можно. Могу сказать, повезло. Я сам детдомовский. Один, как перст. А ты, женат?
- Двое одиноких пацанов ведут разговор про жизнь, по-пацански.
- Нет, не женат. Я здесь как год, приезжий. – Ясно, решил перебраться в город покрупнее. Отыскать мечту на развалинах мира. Еще один скиталец в дороге к своему дому.
- А что однокомнатная? – Роман понимал. Сержант и такое жилье считает раем.
- Больше нет. – Сержант не претендовал на дворцовые покои.
- Купил бы себе. Кругом новые дома строятся. Купи там себе двушку.
- Купила нет. Зарплата не та. – Вот и говори, не в деньгах счастье. Они фундамент для счастья.
- Вы, полицейские, приработать можете. – Роман усмехнулся. Забавно, что думает этот парнишка об использовании власти, маленькой, но власти.
- Ты это о чем? – Парень возмущается. Всех людей в форме грязью мажут.
- Так, неудачно пошутил. Вас в сериалах как показывают? То вымогаєте, то девками приторговываете. Реклама вашей работе, место доходное, служи и будешь, как сыр в масле кататься.
- Таких у нас не так много. Больше наговаривают. – Тебе хочется в это верить, сержант. Деньги – соблазн большой. За тридцать серебряников и любимого учителя можно предать.
- Сергей, а давай, купи себе квартиру. – Самому Роману это было без нужды. Помочь парнишке он мог, даже не почувствует такой малой траты.
- Я сказал, денег нет. – Сержант с удивлением смотрел на собеседника. Он же объяснил, денег у него на такие покупки нет.
- Я дам тебе денег. Я не жадный. Захочешь, вернешь в далеком будущем, а забудешь – не беда. – В его распоряжении не только сокровища Древних. Полезные ископаемые многих планет в его власти. Золото, алмазы. Редкие металлы.
- Денег? Откуда они у тебя детдомовского? – Смеется над ним этот Роман.
- Я зачем здесь сижу? Место хорошее. Наркота по вечерам влет идет. – Роман лукаво улыбнулся. Как прореагирует этот полицейский?
- Может тебя обыскать, для порядка. – Сергей принял шутку.
- У меня родственники отыскались. Люди не бедные. Мне самому не надо, я не привык к большим деньгам. А они дали. Вот могу поделиться. – Не шутил, правду сказал.
- Ты себе купи квартиру, машину. Твои родственники не обрадуются тому как ты базариваешь их деньги.
- Квартира есть. Я в этом бараке несколько дней всего живу, а сердце прикипело. Палат дворцовых не хочу. Сносить будут, с тоской на другое место поеду. Первое мое собственное жилье, понимаешь. Тебе на квартиру денег дам. Моя родня не контролирует эти деньги. Они их не интересуют.
- Взятку предлагаешь? – Не серьезно все это. Сидят и травят баланду.
- Считай, во искупление грехов жертвую. Если не прошлых, то будущих. В рай билетик загодя покупаю. Помочь хорошему человеку. Помощи от полиции мне не надо, как на духу говорю.
- С чего решил, что я хороший. – Вот ведь как разговор повернулся.
- В людях разбираюсь. Над предложением моим подумай, я не шучу. – Роман подумал, оказывается это приятно иметь возможность помочь ком-то.
- Пойду я, а ты дыши воздухом. – Сказал Сергей. Пустые это разговоры.

– погоди минутку, не торопись. У тебя служба не простая. Я решил сделать тебе подарок, на счастье. Видишь, монетка пятирублевая. Ее на счастье подарю тебе. – Роман достал из кармана монету и протянул Сергею. В легкой дымке, в белесом тумане видел он тело сержанта, лежащее на земле. Кровь на мундире. Так проходит слава мирская, так закончится скоро твой поход за лучшей жизнью. Роману стало жаль его. Был шанс изменить судьбу. Бог судьбы, Кайрос, откорректирует свои записи в информационном поле.

– С каких щей? – Пять рублей – не деньги. И за сувенир не примешь. Таких монет полно.

– Поверье раньше было. Были монетки пятикопеечные, медные. Их на глаза покойнику клали, что б закрыть. Потом монетки снимали. Их берегли на счастье. Если идешь на суд или экзамен, положи под ступню в обувь, непременно выручит. Времена настали другие, а мудрость поколений сохранилась. Ты эту монетку, в карман возле сердца положи, в обувь это по старым приметам. Время другое. По новому живем и обычаи осмыслить следует иначе. Я в левый карман твоего кителя положу, ты не вынимай его. Счастье придет.

– Ты, часом, не гадалка. Заговоренными амулетами торгуешь. – Забавно. С чего бы это, дать пять рублей. Интересный парень живет в этих бараках.

– Не гадалка. Я – шаман. – Признался Роман.

– В шаманы как тебя занесло? – Сколько талантов прячется в этом жилом квартале.

– Наследственное это. От родни передалось. Помни, монетку не вынимай, не тобой положено, не тебе брать. Иди.

Они пожали друг другу руки и расстались.

Сергей шел, осматривая дворы, и думал. Станный этот Роман. Выдумал. Монетка. Шаман. Деньги на квартиру. Много у нас людей со странностями. У каждого свои тараканы в голове.

Роман вернулся в свою квартиру. Разделся, лег спать. Сон для него лишь дань привычке. Вселенные не спят. В такие часы он искал единства со своими предшественниками. Вот так шаманы разговаривают с духами предков. Не так уж он был далек от истины, называя себя шаманом. Только вместо бубна – костыль, маленькая червоточина, так он назвал своего деревянного помощника, в первый раз выходя из своего универсама. Он слышит звон. Палуба «Скитальца». Капитан Свен заряжает пистолет. Будут стрелять по мишеням. Стрелять из этого? А из бамбуковой палки не пробовали? На грех и палка стреляет. Данька зажимает эту штуковину в руке. Даня, а корабельную пушку слабо зажать в ручонке? Выстрел. Глазенки у тебя в раскос. Мимо. Снова стреляет. Матросы правы, тебе в кита с двух шагов не попасть. Без божьей воли на то вы ничего не можете. Роман гонит волну по правому борту «Скитальца», задерживает ее, позволяет ударить в корпус в момент выстрела. Данька чуть качнулся, пуля попала в цель.

– Молодец, Дэн. У тебя получается. – Хвалит капитан юнгу. – Надо закрепит успех. Заряджай пистолет.

– Никакой благодарности! – Ворчит Роман. – Если успех, то это ваша заслуга, а если неудача – боги виноваты. Не благодарные! Я вам не нанимался корабль раскачивать. Сами справляйтесь.

Но Роман знает, Данька будет стрелять прекрасно. Древний вновь качнул лодку сознания мальчишки.

Ночь завершается. Тоска перед рассветом, час, когда жизнь готова покинуть тело. Четыре часа после полуночи. Среди ночи Павла Павловича разбудил телефонный звонок. Он не вправе выключить это орудие пыток. В любой момент в госпитале может потребоваться его помощь.

– Алле. – Павел трясет головой, пытаясь сбросить сон. Смотрит на часы. Опять крадут самые сладкие минуты сна.

– Павел Павлович, это Константин. – Костя сегодня дежурит в госпитале. Обычно справляется сам с самыми сложными проблемами.

– Что случилось, Костя? – Звонок в такой час не сулит ничего хорошего. Сменить место работы. Уйти в частную клинику. Там больше платят. Как там в старой песне? Немножко люблю, немножко боюсь, а в общем, хочу другую. Не уйти ему с этой работы, не сможет.

– Сложный случай. Привезли больного. – Говорит Костя в трубку. – Летчик, разбился. По кускам собирать надо. Я боюсь, один не справлюсь. Множественные внутренние повреждения. До утра не дотянет.

– Еду, Костя. – Впрочем, уже утро. Дотянул летчик. Потерпи чуток, еду.

Павел Павлович быстро оделся, выскочил во двор, где под окном стояла его старенькая машина, завел мотор и поехал. Случай, видимо, крайне тяжелый. Костя запаниковал. Заехать к Роману? Чем черт не шутит. Обещал помочь. Через двадцать минут он звонил в дверь квартиры номер два.

Ромка проснулся. Кого нелегкая несет в такой час. Подхватил костыль и захромал к двери.

– Кто?! – Костылем бы им по шее.

– Роман, это я, Павел Павлович. – По голосу можно догадаться, в госпитале что-то случилось.

Ромка открыл дверь.

– Помощь твоя нужна, срочно, – прямо с порога сказал Павел. – Там тяжелый случай. Летчик разбился. До утра не дотянет.

– Шалить заставляешь. Проходи. Я оденусь, и пойдем. – Не его это дело, людские проблемы решать. Созвездия, галактики, сверхновые звезды. А люди? Мелкотравчатость какая-то. Родители удружили, засунули на эту планету. Привык он к ним, к людям. Вот и возись теперь.

Они заезжали на территорию госпиталя.

– Павел Павлович, в операционной сразу буду смотреть. Время поджимает. – Заявил Роман. – Я возле вас в операционной посижу. Ты мне стульчик поставь. Я по ходу подскажу.

Роман мог увидеть любого, кто был на грани жизни и смерти. Чувствовал дыхание, биение пульса.

– Ладно. Я в твоих фокусах не разбираюсь. Сделаю. Лишь бы помогло. – Талант врача дает надежду, а не гарантию.

Больного быстро подготовили к операции. Проводить ее должны Павел Павлович и Константин. Роман в уголочке присел на стул, костыль приставил к стене. Несколько метров до операционного стола.

– Готовы, врачи? Приступайте. – Велел Роман. Все, что нужно было перед мысленным взором. Не надо чутких приборов контроля, яркого света операционной.

– А ты, Роман, не посмотришь? – У Павла не было опыта в подобных ситуациях. Как поможет Роман не представлял себе.

– Нет. Я все отсюда вижу. Начинайте. У парня времени осталось мало. Я его подержу для вас на этом свете. Часы судьбы отсчитывают минуты.

Павел Павлович обернулся взглянуть на Ромку. Тело шамана застыло. Лицо окаменело. Застывшие глаза потухли, потом загорелись страшным желтым светом.

– Пора, – проговорили окаменевшие губы Романа.

В мозг Павла Павловича ударила волна чужого вторжения. Четко, до боли, главный хирург видел план операции. Каждую деталь. Руки были его и чужие в тоже время. Бригада хирургов работала слаженно. Пот застилал глаза Павла, ноги подгибались. Роман постоянно торопил: быстрее, еще быстрее. Константин, операционные сестры и Павел Павлович работали в сумасшедшем темпе. Не человеческом. Их держала чужая воля. Последний шов Павел Павлович наложил, когда за окном было позднее утро. Там давно начался рабочий день.

– Все, – сказал он. – Закончили. Больного в реанимацию.

– Подожди, – остановил врача шаман. – Сестры в коридор. Клава, кликни дежурных из солдатиков. Я скажу, когда можно будет зайти.

В госпиталь для помощи направляли наряд солдат, помочь помыть полы, расчистить газоны или перенести какие тяжести. Каждый день новые дежурные.

– Рано в реанимацию, – обратился Ромка к Павлу и Косте. – Я немного поработаю. С вас довольно. Отойдите.

Павел Павлович неуверенно отошел от операционного стола. Рома подошел к больному, протянул руки. Ощутил в ладонях жар. Несколько раз провел над телом открытыми ладонями. Голубое сияние облаком соскользнуло с пальцев. Окутало тело летчика. Несколько минут сияние сохранялось. Роман отвел руки, сияние погасло. Павел Павлович подошел к столу. Свежие раны на теле затянулись. Для Константина все действия Романа были странными. Само его присутствие на операции – нарушение всех правил. Но он безгранично доверял своему учителю, Павлу. Операционные сестры верили в золотые руки главного хирурга. Сама мысль перечить Павлу Павловичу в этом отделении казалась святотатством.

– Вот сейчас, Павел Павлович, можешь в реанимацию везти удохлика. – Слово «удохлик» отчего-то нравилось Роману. Он награждал им тех, кто нуждался в заботе и уходе. В сочувствии. Нежное слово.

Больной открыл глаза.

– Где я? Что со мной? – Произносит с хрипотцой. Осматривается, пытается понять, что произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.